

БИБЛИОТЕКА

№ 25

1968

Ал. РОМАНОВ

ЦЕЙЛОНСКАЯ ТЕТРАДЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 25

Ал. РОМАНОВ

ЦЕЙЛОНСКАЯ ТЕТРАДЬ

Заметки журналиста

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1968

Ал. РОМАНОВ

Алексей Владимирович Романов родился 16 февраля 1908 года в городе Белёве, Тульской области. Журналист, печатается с 1925 года. Член правления Союза журналистов СССР с момента его основания.

До войны работал в газетах Актюбинска и Горького. В 1944—1946 годах — сотрудник «Правды», позднее редактировал газеты «Горьковская коммуна» и «Советская Белоруссия». В 1949—1955 годах — член коллегии и заместитель шеф-редактора газеты «За прочный мир, за народную демократию!».

В разное время опубликовал повести «Люди в степи», «Наш товарищ», «Крушение сомнений», «Испытание»; книги: «Вечера в Ошминском», «Жизнь за Отчизну», «Америка, какой мы ее видели», «Путешествие на остров Кипр» и др. В 1957 году вышли его «Очерки коммунистического движения в капиталистических странах»; в 1962—1963 годах — работы, посвященные истории и теории советской печати: «Правда» — газета людей труда» и «Строительство коммунизма и печать».

А. В. Романов — член КПСС, депутат Верховного Совета СССР.

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ НА ЦЕЙЛОНЕ?

Говорят, что начать повествование вопросом еще не значит придать обыкновенным запискам журналиста известную занимательность.

Говорят еще, что вопрос в начале путевого очерка — это чуть ли не дань дурному вкусу в журналистике.

Но как быть, если прошло уже несколько месяцев, как мы возвратились из кратковременной, стремительной, удивительно интересной поездки на остров Цейлон, а нас все еще спрашивают: а что вы видели на Цейлоне? Хватило ли вам времени, чтобы познакомиться с жизнью его городов и селений, с их достопримечательностями, повстречаться с населяющими его людьми, поговорить с ними, заглянуть в их душу?

Придется, видимо, начинать с вопросов и с ответов на вопросы, даже если этот литературный прием и существует с той незапамятной поры, когда люди научились спрашивать и отвечать и когда возникла риторика и журналистика в нынешнем их виде.

Да, времени нам хватило.

Да, повидали мы многое.

И вынесли из поездки не только общие представления о природе Цейлона, об его экваториальном, муссонном климате, в который окунулись впервые, но, главное, о людях этой страны, их настроениях и устремлениях, об их жизни, такой непохожей на нашу, советскую жизнь.

Мы вернулись домой с остройшим ощущением бушующей на Цейлоне политической борьбы. Ею живут все слои общества: рабочие, крестьяне, инженерно-техническая и художественная интеллигенция, национальная буржуазия, все политические партии; ею пропитаны все газеты, журналы, общественные собрания. Кажется, что ею напоен сам воздух...

Сначала португальские, затем голландские и, наконец, английские колонизаторы без малого на четыре с половиной столетия вычеркнули Цейлон из мировой истории; бичом надсмотр-

щика и дубинкой полицейского держали его в стороне от общественного прогресса и международной жизни.

Народ Цейлона никогда не мирился с навязанным ему статусом колониальной тюрьмы; стоившие бесчисленных жертв народные восстания жесточайше подавлялись колонизаторами. Казалось, что земля, пропитанная кровью борцов за свободу, взвыала к мести.

И когда в феврале 1948 года была наконец завоевана политическая независимость, в сердцах людей зажглась надежда. Сначала робкая, но по мере приобщения к политической жизни плантационных рабочих, крестьян, патриотически настроенных слоев интеллигенции, мелкой городской и прогрессивно мыслящей крупной национальной буржуазии все более активная.

Мы беседовали со многими людьми, но не встретили таких, кого бы не интересовало: каким путем пойдет дальнейшее развитие Цейлона? Пойдет ли оно по пути подлинной политической и экономической независимости? Захочет ли его правительство порвать с экономической системой империализма, с вековой зависимостью от господствовавшего в его экономике британского капитала? Наконец, удастся ли ему — в какой мере и в каких формах — использовать открывшуюся перед ним перспективу некапиталистического пути развития? И хотя все понимают, что некапиталистический путь развития — это еще не социалистический путь, вопрос обычно ставят так:

- Социализм или капитализм?
- Собственное независимое и свободное народное государство или вотчина неоколониализма?

Кажется, что после ликвидации английских военных баз и национализации собственности англо-американских нефтяных монополий, после провозглашения политики неприсоединения к военным блокам и установления дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами вся страна ждет новых, не менее значительных политических и экономических акций.

- Что дальше?.. Что дальше?..

Все хотят быстрой ликвидации остатков вековой колониальной зависимости, демократического устройства общественных институтов, нормальной человеческой жизни, спокойствия и мира.

Эти записки, как уже сказано, вызваны желанием ответить на многочисленные вопросы советских людей, пытливых и любознательных. Поэтому главное, о чем мы расскажем, — так это о том, как в декабре 1967 года на далеком-далеком, почти сказочном острове, территория которого, если верить школьным

учебникам, превышает 65 тысяч квадратных километров, где-то у южной оконечности Индостана, совсем рядом с экватором, мы повстречались с чудесными, искренними друзьями нашего социалистического Отечества и узнали, как звучат на Цейлоне, на языках всех народов, его населяющих, животворные слова «дружба» и «мир» и почему эти слова там неизменно связывают со словами «Октябрь», «Советский Союз», «социализм».

Дружба, если она проникнута добрыми чувствами, всегда, как цепная реакция, легко передается от человека к человеку.

И мы будем счастливы, если все товарищи, которые спрашивают нас о путевых впечатлениях, прочитав эти записки, почувствуют себя искренними друзьями тех, с кем мы подружились на Цейлоне.

ОТ МОСКВЫ — 5 071 МИЛЯ

Гостиница «Гол фейс отель», где мы поселились в Коломбо,— столетнее, видавшее виды заведение, построенное, несомненно, англичанами и в сугубо английском стиле: с узкими, скрипучими лестницами и отполированными до блеска темно-коричневыми перилами, просторными холлами, пригодными для любых встреч и бесед, и отличным рестораном.

У подножия гостиницы — белая пена и безгранична лазурь Индийского океана. Здесь же единственная в городе, закованная в бетон, благоустроенная набережная и огромная зеленая лужайка, свободная от каких бы то ни было строений,— «Гол фейс грин». Вечерами, а в праздники и в течение всего дня на лужайке и набережной проводят свой досуг тысячи горожан.

Милая, добрая женщина, с которой мы познакомились накануне, назовем ее Мод, охотно соглашается показать нам столицу Цейлона.

Начинаем осмотр с набережной, проезжаем мимо расположенного справа от дороги массивного здания парламента с его традиционными колоннами и больших серых памятников основателю Национальной партии Стефану Сенанаяке (отцу нынешнего премьера) и основателю Партии свободы Соломуону Бандаранайке. Затем, после обязательного для такого события обмена мнениями о том, как смотреть и что смотреть, решаем подняться на крышу 12-этажного здания Страховой компании и полюбоваться видами города и океана, так сказать, с птичьего полета.

На северной стороне смотровой площадки бросается в глаза металлический столб с прикрепленными к нему указателями:

Париж — смотрите в эту сторону, он там, и до него столько-то миль! Смотрите сюда, там Рим, там Лондон, там Дели, до каждого из них столько-то миль! Но вот наконец и та стрелка, которую мы хотели увидеть раньше других, стрелка, указывающая на север, там Москва, и до Москвы отсюда — 5 071 миля!

А кругом голубой простор, небо и море словно слились, соединились, и у тех, кто смотрит отсюда в бескрайние эти дали, словно отрастают крылья. Так вот он каков, этот город, древняя Калантотта, важнейший торговый пункт на пересечении всех дорог, ведущих на Дальний Восток и в Австралию!

Посмотрим, однако, вниз: далеко-далеко уходят вдоль побережья бесчисленные кварталы старого Коломбо. Сверху хорошо просматривается его деловой район: огромный океанский порт, доки, склады и нефтехранилища; стройный красавец элеватор и мельница,озводимые с помощью Советского Союза; искусственные пресные озера; казармы, оставленные колониальными войсками и заселенные теперь полицией; густая сеть узких улиц, запруженных людьми, машинами, уродливыми двухэтажными автобусами.

— Теперь едем в форт,— говорит Мод,— и вы увидите, как резко отличаются у нас так называемые европейские районы города от его окраин. Вот наследство, от которого мы готовы отказаться, но — увы! — не можем...

Мы делаем большой круг по городу. Осматриваем улицы, почти сплошь состоящие из особняков, построенных выходцами из Голландии еще в прошлом веке. Это добрые и уютные кирпичные домики, опоясаные верандой из камня и буйной растительностью. На верандах полыхают цветы, стоит плетеная или деревянная мебель. Здесь живет «средний класс» — мелкие предприниматели, служащие, рабочие.

Осмотриваем новую школу («тропического типа») — с узорчатыми решетками вместо стекол в широких окнах), новый стадион, построенный бывшим мэром города г-ном Сугатадаса преимущественно на свои средства с явной перспективой извлечения больших прибылей.

— Кстати, — говорит Мод, — на этом стадионе недавно играла ваша команда из Литвы, матч она выиграла блестяще, поразив наших болельщиков безупречно корректной и острой игрой.

Мод рассказывает и еще об одном предприимчивом человеке по имени Гиянем, весьма богатом и старательно скрывающем это дельце. Мы как раз проезжаем мимо его дома и ма-

газина. В принадлежащем ему же кинотеатре идет индийский фильм «Оккома хари» («Все в порядке»). Здание кинотеатра заляпано довольно примитивной, но весьма броской, многокрасочной рекламой.

— Господин Гиянем,— говорит Мод,— не пропь поиграть и в «политического» деятеля. Однако его обычная платформа определяется чаще всего так: «Хочу, чтобы меня оставили в покое любые правительства. Пусть никто не мешает мне делать мои дела».

Осмотрев колледж св. Иосифа, попадаем в район, где живет цейлонская аристократия и буржуазия. Кстати, здесь расположилось и посольство Китайской Народной Республики. Против здания китайского посольства — вход в Виктория-парк. Монументальный, исполненный в экспрессивном стиле памятник жертвам войны постоянно привлекает внимание посетителей парка.

Но вот начинаются другие районы: одна за другой следуют переполненные торговые улицы. Останавливаемся у рынка. Кажется, эти места начисто лишены свежего воздуха. Специфические запахи гниющих овощей и фруктов, тухлой рыбы, пережаренного мяса, дешевого пива, перца и пота буквально ошеломляют. Лотков, лавочек и магазинчиков, торгающихся всем чем угодно, здесь неописуемое множество. Каждый что-то продает, что-то настойчиво предлагает. Продающих много больше, чем покупающих. Первая же наша попытка узнать, что почем, вызывает бурную атаку на нас со стороны продающих. Мод смеется.

— Имейте в виду,— говорит она,— что здесь у нас тройные цены: для туристов, для покупателей и для друзей. Ой, не окажитесь в числе туристов!

В рыбачьем районе, сразу же за портом, идет оптовая продажа рыбы. Женщины сортируют и грузят рыбу в корзины. Шалят полуоголые ребятишки: они устраивают «салют» в честь гостей, взрывают петарды, производящие необычайный грохот и вызывающие у гостей испуг, а у ребятишек смех.

Переезжаем мост через реку Келани-ганга и попадаем в самый бедный район цейлонской столицы, застроенный сколоченными на скорую руку строениями из старых досок, упаковочного картона и жести. Район этот при наводнениях постоянно подвергается затоплению, вода и ветер сметают хильные домишкы, но их тотчас же возводят вновь. Ни канализации, ни водопровода нет и в помине. Запах, сходный с запахом прелой кожи, перехватывает дыхание. Запах удущливый и всепроникающий. Жить здесь ужасно, но люди живут.

МИТИНГ В НЬЮ-ТАУН-ХОЛЛЕ

Кажется, здесь не знают не только, что такое зима, вьюга, снег (экватор! — с этим обстоятельством свыкаешься легко), но и что такое... сумерки. Заходит солнце — и как-то сразу наступает ночь, словно темное покрывало, пронизанное звездными блестками, внезапно падает на город с беззатменного неба.

Так было и на этот раз. Мы направлялись на митинг в Нью-Таун-холл, и, когда выходили из гостиницы, было светло, хотя день и шел к концу, но уже через 15—20 минут все вокруг окрасилось в серый цвет, вспыхнули городские огни, наступил вечер.

Митинг, состоявшийся вечером 11 декабря 1967 года в Коломбо в новом общественном зале муниципалитета, оставил у нас, советских людей, в нем участвовавших, впечатления сильные и не угасающие со временем.

Перед общественностью цейлонской столицы отчитывались представительные делегации трех политических партий: Коммунистической, Социалистической и Партии свободы. Они только что возвратились на родину из Советского Союза, где в Москве и других городах страны участвовали в торжественном праздновании пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Интерес к тому, что они расскажут, был столь велик, что уже за два часа до объявленного времени начала митинга все кресла в Нью-Таун-холле были заняты.

Люди стояли и в дверях и в проходах. В простом светлом зале, лишенном каких бы то ни было украшений, если не считать симметрично расположенных под потолком широколопастных вентиляторов, собралось не менее 800 человек. Генеральный секретарь Коммунистической партии Цейлона Питер Кайнеман занял место на подмостках за председательским столиком. Позади, вдоль стены, расположились в креслах ораторы.

— Цейлон, — сказал, открывая митинг, Питер Кайнеман, — был очень хорошо представлен на юбилейных празднествах в Москве. И мы хотим отчитаться перед общественностью столицы о пребывании делегаций трех оппозиционных партий Цейлона на праздновании в Москве пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции...

Первым выступал председатель Коммунистической партии доктор Викремасингхе, или просто «доктор», как многие зовут на Цейлоне этого выдающегося общественного деятеля и талантливого врача.

— Впервые, — сказал он, — я посетил Москву еще в 30-х годах. В то время я еще не был коммунистом. Но мы поехали туда, чтобы увидеть все своими глазами, чтобы непосредствен-

но ощутить, что произошло в этой стране, и начать изучать опыт Октября, учение Маркса и Ленина. Позднее, вернувшись на Цейлон из Англии после завершения образования, мы начали работу по созданию прогрессивной демократической организации на Цейлоне и популяризации достижений Советского Союза в широких массах нашего народа. И мы создали такую организацию. Мы создали ее, опираясь на опыт партии Ленина.

На трибуне стоял смуглый седеющий человек с яркими, как у молодого южанина, черными глазами. Свободно, легко, убежденно говорил он о многих проблемах внутренней и внешней политики Цейлона, включая девальвацию рупии и тот ущерб, который она нанесла экономике страны. Его речь была внутренне собранной, хорошо аргументированной, глубоко искренней. Было заметно, как он взмолнован. Нет, он отнюдь не стремился поразить аудиторию острым словом или выигрышным жестом, нет, он хотел убедить людей, внушить им правильное понимание мировых событий и роли СССР в этих событиях.

— Советская Россия воспитала свои народы в духе национального единства. Между ними не возникает ни языковых, ни расовых конфликтов, и они надеются установить всеобщий мир,— так говорил доктор Викремасингхе.— Что же касается Цейлона, то он находится в угрожающем положении. Единственный выход для него — социалистический путь развития...

Его речь понравилась. Ему аплодировали долго и бурно. Сидевшие в первых рядах буддийские монахи в шафрановых тогах аплодировали вместе со всеми.

Затем к микрофону подошел бывший посол Цейлона в СССР, генеральный секретарь Партии свободы г-н Субасингхе.

— Когда мы здесь, на Цейлоне, отмечали пятидесятилетие Великой революции в России, мы говорили, что их путь — это социализм. Но социализм — это единственный путь, по которому идет ныне мировое развитие!

Первый раз г-н Субасингхе был в СССР в 1956 году. В 1960—1964 годах он был послом Цейлона в нашей стране, побывал во многих советских городах и, как он выразился, поверил нам.

— Цейлону,— сказал он,— в нашу эпоху не приходилось вести войну на своей территории. И в том, что мы избежали войны, наше счастье.

Г-н Субасингхе подробно, тепло, с пониманием говорил затем о культурной жизни в СССР, о советской литературе и в особенности о советском театре.

После заместителя лидера оппозиции, вице-президента Партии свободы Майтрипала Сенанаяке, однофамильца премьера, выступал Колвин де Сильва, член Политбюро Социалистической партии, крупный цейлонский адвокат, блестящий оратор. Любопытным было его заявление о том, что для цейлонских социалистов теперь уже нет вопроса, можно ли построить социализм в одной стране. Этот вопрос решен историей. Но «только теперь, побывав в СССР на этом празднике,— сказал де Сильва,— я понял, что, если бы и у нас была столь широкая демократия и свобода, как в СССР, мы бы совсем по-иному жили, и думали, и рассуждали».

Затем выступил член Политбюро Компартии, главный редактор газеты «Этта» («Правда») Ратнавира. Ее тираж доходит в обычные дни до сорока тысяч экземпляров, а в праздничные — до сорока пяти.

То, как и что говорил Ратнавира, видимо, было очень доходчиво, близко, понятно всем без исключения участникам митинга. В то же время, судя по переводу, это была и весьма острыя речь общественного деятеля, привыкшего к серьезным политическим спорам, речь образная и полемическая.

— Нас уверяют наши противники,— говорил он,— что в СССР нет демократии, а у нас она будто бы имеется... Но чего стоит наша демократия, если у них всего полно, а у нас людям нечего есть! Почему мы должны считать, что если людям нечего есть, то это и есть демократия?..

Речь Лесли Гуневардены, генерального секретаря Социалистической партии, который, как говорят, возглавляет умеренное крыло этой партии, так же, впрочем, как и все другие речи, была проникнута искренним уважением к нашей стране и нашему народу, пониманием всей сложности нынешней мировой обстановки. Все ораторы, представители оппозиционных партий, в разных аспектах критиковали политику правительства Объединенной национальной партии, возглавляемого Дадли Сенанаяке.

И когда Питер Кейнеман закрыл митинг, оказалось, что прошло уже без малого четыре часа. Несколько минут не затихали аплодисменты. То в одной, то в другой стороне зала звучали возгласы: «Совиет десаята джая вэва!» («Да здравствует Советский Союз!»). И никто не покинул зал, прежде чем ораторы не сошли с подмостков. Опираясь на костяные рукоятки огромных черных зонтов, за ними вышли из зала сидевшие в первом ряду буддийские монахи.

На улицах Коломбо стояла глубокая ночь, и белые саронги участников митинга долго еще светились возле Нью-Таунхолла, на притихших улицах и площадях.

ДОРОГИ

Первый поезд на Цейлоне пошел в 1866 году, сто лет тому назад, первая железная дорога была длиной в 50 с небольшим километров.

Теперь на острове 1 600 километров железных дорог, но оборудованы они плохо, скорости малы, пригодны разве для грузового движения.

Асфальтовые ленты автомобильных дорог перерезают ныне остров во всех направлениях.

Мы побывали в шести провинциях страны из девяти: в Западной (с центром в Коломбо), Сабарагамува (с центром в Ратнапуре), Центральной (с центром в Канди), Южной, Северо-Западной и самой обширной — Северо-Центральной. Проделали на машине свыше полутора тысяч километров. И хотя с многими явлениями цейлонской жизни нам хотелось бы познакомиться поглубже, впечатления вынесли огромные.

...Из Коломбо едем по дороге на юг — ее здесь называют главной дорогой. Наш микроавтобус, арендованный у транспортной фирмы «Ceylon carriers Ltd.», с трудом пробивается сначала по узким уличкам, а потом и по широкому шоссе: всюду люди, машины и опять люди, мужчины, обнаженные до пояса, в белых или цветных саронгах, и женщины в сари, впечатление такое, словно что-то случилось, солнечное затмение или землетрясение, и все высыпали на улицу, возбужденные и взволнованные.

На таком многолюдье, естественно, сам собою завязывается разговор на демографические темы. Выясняется, что годовой прирост населения на Цейлоне в последние годы колеблется от 2,4 до 2,8 процента. Растет рождаемость, несколько снизилась смертность. По последним данным, на Цейлоне теперь около 11 миллионов жителей. В Коломбо число жителей перевалило за полмиллиона. В западной и южной частях острова плотность населения наибольшая. В Западной провинции, например, она достигает 600 человек на 1 квадратный километр. В прошлом плотность населения в северной и восточной частях была более значительной, чем в наши дни¹.

¹ В книге французского географа профессора Пьера Гуру «Азия», уделяющего весьма серьезное внимание изучению взаимодействия между природной средой и деятельностью человека, об этом говорится так: «В настоящее время южная, горная часть острова характеризуется сосредоточением населения и экономической активностью, тогда как центральная часть и север (если не говорить об узкой приморской полосе) слабо населены и дают мало продукции. До XIII века н. э. дело обстояло иначе». Гуру утверждает, что «карта распределения населения современного Цейлона выглядит как

Как ни тесно на улицах Коломбо, а микроавтобус бежит и бежит. Остаются позади железнодорожные мастерские, и вот уже начались городские окраины — увы! — отнюдь не столь живописные, какими хотелось бы видеть их. Промелькнул мост через приток Келани.

Первые 30 миль — по главной дороге вдоль океана, через самый густонаселенный район Цейлона. Здесь, у океана, в маленьких деревеньях живут ремесленники-гончары и рыбаки. Берег низкий, песчаный, неблагоустроенный. Его грызут и грызут океанские волны. Гигантские деревья, вырванные с корнем или свалившиеся бог весть когда, лежат возле шоссе, как поверженные великаны. Морская эрозия и сопутствующие ей оползни наносят огромный ущерб экономике страны.

Городок Панадура утопает в густых насаждениях кокосовых пальм. Друзья, сопровождающие нас в поездке, говорят, что этот городок — колыбель капиталистических отношений на Цейлоне. Отсюда пошла цейлонская буржуазия. Дело в том, что в Панадуре когда-то возникло промышленное производство особого сорта пива — тодди, именуемого в обиходе «напитком бедняков». На производстве этого напитка предпримчивые дельцы наживали большие деньги, воровски скупая у крестьян земельные участки, засаженные кокосовыми пальмами, скупали, не останавливаясь перед обманом и насилием. «Много здесь было пролито слез и крови», — говорят наши друзья. Отсюда со стихийного протesta против захвата крестьянских земель пошло и левое движение на Цейлоне. Да и по сей день все западное побережье острова является оплотом демократических сил. От округа Матара в разное время избирались в парламент три левых депутата.

Следующим источником зарождения на Цейлоне капиталистических отношений были каучук, каучуковые и чайные плантации и графитовые рудники. Но они — в глубине острова. С ними связано жесточайшее вторжение в экономику страны иностранного, преимущественно английского, капитала.

Городок Калутара окружают серые стены пальмовых рощ. Навстречу нам на велосипедах и волах везут тяжелые связки кокосовых орехов, созревших бананов, свежую рыбу, овощи. В небольших бочках на приемный пункт доставляют сок кокосовых орехов — для перегонки в тодди. В стороне от дороги возникает кладбище: белые флажки, белые цветы, каменные ложа для сожжения умерших.

По металлическому мосту переезжаем Черную реку — Ка-

прямая противоположность карте населения древнего Цейлона» (П. Гуру. Азия. Перевод с французского. Издательство иностранной литературы. Москва, 1956, стр. 374—375).

лу-гангу. Питер Кейнеман говорит, что он хорошо знает эти места: мальчишкой приезжал сюда ловить крокодилов. Теперь, улыбается Питер, крокодилы перевелись и встретить их можно разве только в джунглях да в филиалах иностранных банков в деловом районе Коломбо.

В местечке Коцгода навстречу нашему микроавтобусу шумливой стайкой идут школьники: мальчики — в чистых белых рубашках и девочки — в светлых платьях с цветными галстуками. Все в одежде европейского типа — так удобнее. Видимо, возвращаются из школы.

А океан совсем рядом, берега низкие, пологие, словно огражденные от внешнего мира колючим кустарником и хижинами бедняков.

Остается позади городок Амбалангода: здесь когда-то встречались паломники, направляясь в буддийские монастыри. Рядом, в рыбацком селении Хиккадувा, — современный отель, и возле него большой песчаный пляж с возвышающейся над ним зеленой стеной кокосовых пальм. Береговая линия выложена диким, неотесанным камнем. Какое чудесное место для морских купаний! Говорят, что немногим более 20 лет тому назад пионеры подводного плавания на Цейлоне именно здесь нашли очень удобное место для увлекательных путешествий в «царство Нептуна».

Идет густой теплый дождь, но мы купаемся, долго плаваем в масках, наблюдая за рыбьими стайками, потом в лодке со стеклянным дном осматриваем коралловые сады с колючими, маляющими каменными цветами самого необычного вида и удивительной окраски, наблюдаем подводную жизнь, скользя над рифами, ограждающими берег от разрушительной силы волн.

...Мы на южной оконечности острова. По дороге, над которой растущие по ее обочинам деревья образуют тенистый коридор, въезжаем в Матару.

Матара — небольшой одноэтажный городок, утопающий в зелени. Вдоль главной его улицы — магазины, лавочки и лавочонки, с прилавками и развалами, вынесенными на тротуар. Времени у нас было немного. Тем не менее мы не отказались от участия в митинге левых партий, куда были приглашены.

На митинге выступали депутаты парламента — руководители Коммунистической партии — Кейнеман, Викремасингхе и Тудаве — высокий пожилой человек с римским профилем и, как выяснилось, с очень больным сердцем. Выступали представители Партии свободы и Социалистической партии Цейлона. Их рассказы о праздновании пятидесятилетия первой в мире социалистической революции, о Советском Союзе и его экономических и социальных достижениях люди слушали с горящими

глазами, с волнением, которое трудно передать словами, потому что у каждого оно отражалось на лице по-разному, но у всех шло от сердца.

Кстати, и здесь, в Матаре, мы вновь могли убедиться в левых симпатиях буддийского духовенства. На почетном месте, лицом к участникам митинга, в глубоком кресле, восседал буддийский монах, преподаватель колледжа Индраратана-тхеро. Все выступавшие, начиная речь, обращались к нему со словами «ваше преподобие», словно он и был председателем в этом собрании.

Индраратана-тхеро также выступил с речью, которую участники митинга прослушали, как нам показалось, с не меньшим интересом, чем речи других ораторов. Монах говорил об СССР как о воплощенном в жизнь человеческом стремлении к свету, добру и истине. Он приветствовал «высокую доблесть» советских людей, спасших мир от фашизма, и восхвалял их бескорыстие. Он утверждал, что пример полувекового служения человечеству, который дает миру Советский Союз, вызывает восхищение «у всех, кому дороги предвидения Будды».

После митинга нас долго не отпускали. Оказалось, что среди женщин, участвовавших в митинге, была одна, врач по профессии, окончившая Университет имени Лумумбы и неплохо говорившая по-русски. Когда мы сказали, что человек, знающий русский язык, видимо, большая редкость на Цейлоне, она рассмеялась.

— Это, по-моему, весьма устаревшее представление,— сказала она.— Во-первых, здесь многие изучают русский язык. Кроме того, десятки, если не сотни цейлонцев получили высшее образование в Советском Союзе. Да и сейчас в ваших вузах учится что-то около двухсот цейлонских студентов. Нет, русский язык и на Цейлоне теперь звучит знакомо и веско. Да и русских у себя мы встречаем все чаще и чаще...

И она весело, с лукавой искоркой в глазах посмотрела на нашего товарища — молодого литератора Владимира Викторовича Выхухолева, изучавшего сингальский язык в Москве, совершенствовавшего свои знания в течение года в Цейлонском университете и затем познакомившего советских читателей в своем переводе на русский язык с романами крупнейшего современного цейлонского писателя Мартина Викремасингхе.

ГРОШ, ОТНЯТЫЙ У БЕДНЯКОВ

Со страниц газет оппозиционных партий, с трибун многочисленных митингов, прокатившихся по всей стране, неслись резкие протесты против осуществленной правительством Дад-

ли Сенанаяке в конце 1967 года девальвации цейлонской рупии.

«Девальвация — это обман», — писали газеты.

— Обман и фарс, — заявляли ораторы.

Именно в эти дни газета «Обсервер» в отчете о состоявшейся в Калутаре беседе депутатов парламента с молодежью о девальвации рупии и экономическом положении писала, что экономика Цейлона «скатилась к низшей точке». Премьер-министр г-н Дадли Сенанаяке на митинге при открытии хирургического отделения госпиталя в Навалапигия, если верить газете «Таймс оф Цейлон», заявлял, что «если бы Цейлон не девальвировал рупию, пришлось бы закрыть чайные плантации и люди умерли бы с голода».

Само собой разумеется, что оппозиция не молчала. Девальвация рупии, заявляли ее представители, «показала всю безнадежность положения правительства, которое связало себя капиталистической экономической теорией», и что если бы состоялись новые выборы, то правительство потерпело бы полное поражение.

Надо думать, что в заявлениях газет были свои полемические крайности. Однако именно в это время в стране назревала всеобщая забастовка плантационных рабочих и Федерация владельцев плантаций выступила с угрозами по адресу профсоюзов.

Но уже бастовали работники радио и телевидения, и министр общественных работ и связи г-н Монтею Джайявикрама заявлял, что он не намерен встречаться с бастующими, пока они не возобновят работу.

Бастовали студенты трех университетов, примерно 4 тысячи студентов были лишены возможности учиться, и университетские власти в полном согласии с правительством угрожали бастующим изгнанием из высших учебных заведений.

По всей стране — от Джафны на севере до Матары на юге — прокатывались массовые митинги. С речами выступали не только представители оппозиционных партий, но и деятели правящей Объединенной национальной партии.

Словом, в общественной жизни страны ежедневно мы сталкивались с горячими словесными схватками, неожиданными и острыми практическими действиями, свидетельствовавшими о накале политических страсти.

Нам повезло. Как раз в эти дни мы встретились, долго и душевно беседовали с руководителями некоторых демократических профсоюзов Цейлона. Собралось не менее 30 человек, все в национальной белой одежде, красивые, одухотворенные высокой идеей люди.

Особенно интересной была наша беседа с деятелем крестьянского движения Ванигасекера, маленьким, сухощавым человеком, глубоко знающим и объективно оценивающим положение в сельской местности, и Надесаном, по национальности тамилом, руководителем прогрессивного профессионального союза плантационных рабочих Цейлона, или, как он называл их, людей без гражданства.

Надесан говорил, что «издевательская» надбавка к зарплате в размере 15 центов в связи с девальвацией вызвала резкое недовольство плантационных рабочих. Предстоит всеобщая предупредительная забастовка, успех которой может быть обеспечен только едиными действиями всех профсоюзов. Но единства нет. Огромный ущерб трудящимся наносит раскол, который давно уже разделяет профсоюзные организации плантационных рабочих, насчитывающих свыше одного миллиона человек. Надесан весьма остро критиковал реакционное руководство Конгресса рабочих Цейлона, возглавляемого Тондаманом.

Беседовали мы также с двумя деятелями профсоюза служащих, кстати, больше других пострадавших от девальвации: их звали Абейратна и Сильва.

— Правительство Дадли Сенанаяке, — говорили они, — предпринимает сейчас весьма важные шаги с целью предупредить единые действия профсоюзов. Оно повысило заработную плату государственным служащим и потребовало, чтобы то же сделали и все частные компании и предприниматели. Увеличение заработной платы, как и следовало ожидать, не улучшило положения государственных служащих, частные же компании не отзовались на требование правительства, а единые действия профсоюзов оказались уже невозможными или были затруднены. Правительство выиграло, трудящиеся проиграли.

Кстати, в эти же дни мы узнали из газет и о таком случае. На массовом митинге в Эллис-парке в Минувангода ораторы от оппозиционных партий требовали привлечь к уголовной ответственности некоторых именитых спекулянтов, взвинтивших цены на муку, сахар и бензин в нарушение публичного заявления правительства о том, что повышение цен в связи с девальвацией рупии не коснется тех товаров, которые уже находятся на складах. Однако к полуночи того же дня было опубликовано «чрезвычайное сообщение», согласно которому цены на товары, уже находившиеся у торговцев, все же были повышенны. В результате сразу же подскочили цены на бензин, муку и сахар. Разумеется, крупные спекулянты, нажившие на этом миллионы, не были заключены в тюрьму, а рабочие и служащие оказались в исключительно бедственном положении.

Крестьяне также ничего не выгадали от увеличения цены за бушель риса на 2 рупии.

Как же реагировали на требования ораторов власти?

Газеты писали, что во время массового митинга в Минуван-года на проспекте вдруг появился автобус, который непрерывно сигналил, заглушая слова ораторов. Толпа забросала автобус камнями. Тогда «вмешалась полиция и восстановила порядок».

Власти, однако, есть власти.

Но и г-н Тондаман не скрывал своих симпатий и антипатий. В канун всеобщей предупредительной забастовки плантационных рабочих, вызванной девальвацией цейлонской рупии, уже не в силах помешать ее началу, он открыто заявил в интервью газете «Дейли миррор», что видит главную цель забастовки не в повышении заработной платы рабочих, а в том, чтобы «укрепить положение правительства и помочь ему сохранить демократию и национальное единство». Он заявлял, что, по его мнению, для забастовки «нет никаких скрытых целей», явно намекая на то, что у левых профсоюзов будто бы имеются такие «скрытые цели».

Что ж, правительство хорошо поняло этот намек. Оно тотчас же распорядилось о призывае в армию четырех батальонов «добровольцев» и приведении их в состояние боевой готовности на случай «любых непредвиденных обстоятельств», могущих возникнуть в связи с забастовкой.

Радиовещательная корпорация Цейлона прервала свои передачи, чтобы объявить об этом решении правительства...

Не один раз на улицах Коломбо, Канди, Матары мы встречали автобусы с наклеенными на них весьма броскими плакатами, гласящими: «Отныне все дельцы черного рынка, все спекулянты будут сидеть в тюрьме».

Мысль, понятно, хорошая, но почему об этом надо было извещать население столь броскими плакатами? Выясняем, почему.

В конце первой декады декабря на северные районы острова обрушился циклон. Газеты сообщали, в частности, что в районе Джаяфны тяжелый и непрекращающийся дождь бушевал в течение шести часов. Шоссейные и железные дороги оказались под водой или были перекрыты сваленным лесом, была нарушена связь. И не только в районе Джаяфны. Повсюду на севере тропические ливни вызвали наводнения, а ураганные ветры причинили много несчастий хозяйству бедняков. В некоторых газетах, выходящих в Коломбо, в частности в «Дейли миррор» за 15 декабря, можно было прочитать, что в подвергшихся наводнению районах около 20 тысяч жителей оказались

на грани голода. Газеты писали, что, по сведениям полиции, после наводнения жители многих деревень ели один раз в день, да и то лишь рис. Каждой семье, потерявшей жилище, органы социального обеспечения выплатили по 175 рупий, но цены на строительные материалы стремительно поднялись вверх, и большинство крестьян тратило деньги, полученные на восстановление дома, на рис и хлеб.

В те же трудные декабрьские дни в газете «Цейлон дели ньюс» появилось сообщение о том, что население города Джаянти возмущено поведением некоторых местных политических деятелей, пытающихся «погреть руки» на продуктах питания, предназначенных для пострадавших от наводнения. Имелось в виду, что пайки, в которые входили рис, мука, сахар и чай, будут выдаваться только лицам с низким доходом по предъявлении особых карточек. Но, как выяснилось, не все пайки попали по назначению. Нашлись состоятельные люди, в том числе государственные служащие, владельцы солидной недвижимой собственности, никоим образом не пострадавшие от наводнения, которые также сумели получить бесплатные пайки. Оказалось, что некоторые местные политические деятели, шантажируя или просто запугивая лиц, выдающих пайки, заставляли их обеспечивать продуктовыми талонами и состоятельных людей, а те передавали эти талоны своим родственникам или даже агентам по проведению избирательных кампаний. Сообщалось, например, о случае, когда богатый купец, спекулянт и контрабандист, как его характеризовала газета, открыто получал бесплатные пайки, предназначенные для неимущих, чем вызвал возмущение сотен людей, стоявших за ними в очереди.

Будучи в Канди, мы наблюдали, как спекулянты окопачивали людей, стремящихся купить молоко.

Молочные продукты, если верить газете «Обсервер», продавались более чем в 30 магазинах этого города, но очереди стояли у каждого молочного магазина, и всюду они контролировались агентами торговцев. Стать в очередь можно было, только имея в руках карточку с номером, полученную от торговца, но большую часть таких карточек торговцы передавали своим людям, которые к тому же еще и скупали карточки у бедняков. И вот те, кто не имел таких карточек, но крайне нуждался в молоке, покупали его уже не в магазине, а у тех, кто имел карточки, у спекулянтов, агентов торговцев, покупали по чудовищно вздутым ценам...

Из бесед с профсоюзными лидерами мы узнали и о том, что на острове 600 тысяч безработных, более половины их — молодежь, не менее 40 процентов — люди со средним и высшим образованием.

Международный банк реконструкции и развития между тем заявлял, что на Цейлоне очень много расходуется денег на образование и социальное обеспечение. Да и правительство г-на Дадли Сенанаяке тоже задумывалось, не слишком ли много грамотных людей в стране.

Газета «Таймс офф Цейлон», которая верой и правдой служит этому правительству, в декабре не без раздражения писала:

«Возможно, что Цейлону придется представить конкретные гарантии дальнейших мер по стабилизации своей экономики и сокращению расходов на социальное обеспечение, прежде чем он сможет получить новый заем у Международного банка».

Оказывается, представители банка уже прибыли в страну, чтобы «изучить влияние мер, принятых ее правительством для стабилизации экономики и валюты». Было объявлено, что после того, как они «изучат положение», они разработают свои рекомендации о дальнейшей помощи. Однако, прежде чем их внести, представители банка, по сведениям газеты, будут настаивать на проведении некоторых дополнительных мер по стабилизации.

Что же это за меры?

На Цейлоне свыше 80 процентов грамотных? Сократить, непременно сократить увеличивающиеся с каждым годом расходы на субсидированное образование!

На Цейлоне в какой-то мере проявляется забота о здоровье народа? Сократить, непременно сократить бесплатную медицинскую помощь всем слоям населения!

На Цейлоне развивается транспорт? Немедленно и все-непременно «рационализировать» государственные ассигнования на развитие транспорта и связи!

На Цейлоне хорошо родит земля? Сократить, непременно сократить государственные субсидии сельскому хозяйству!

Таковы меры, о которых так печется Международный банк реконструкции и развития.

ЕЩЕ ДОРОГИ

Мы проезжали совсем маленький, хижин пять — восемь, не больше, рыбачий поселок. Вдали под темными парусами качались на океанских волнах узкие рыбачьи катамараны. Судя по всему, улов был плох, крупная рыба не попадалась, и на берегу возле поселка не было заметно перекупщиков. Кто-то из нас спросил:

— Так бывает часто?

— Так бывает всегда,— последовал ответ.— Вы же знаете: акулы на мелководье не выходят...

Не был ли заложен в таком ответе двойной смысл?

Не одно столетие промышляли в глубоких водах Цейлона хищные чужеземные акулы. Какие только богатства не попали в их ненасытную пасть!

Теперь они вроде бы и покидали те места, где всегда имели богатый улов, предоставив возможность допотопным катамаранам слабыми сетями выбирать на мелководье мелкую рыбешку.

Но не думают ли, не собираются ли они вновь вернуться туда, где когда-то гуляли и жирели? Вернуться, разумеется, не в старом обличье откровенных разбойников, а переодевшись во что-нибудь «цивилизованное», ну хотя бы в черный фрак с белой манишкой и привлекательной бабочкой под чисто выбритым подбородком, скромно постучав в дверь не с парадного входа, а с заднего крыльца...

Во всяком случае, на Цейлоне многих волнует то обстоятельство, что объектом империалистических происков в Азии и Африке все чаще становятся молодые национальные государства, отвергающие капиталистический путь развития.

Как раз в эти дни специальным самолетом из США прибыла на Цейлон группа широко разрекламированного американской пропагандой «корпуса мира» в составе 60 человек. В момент прибытия аэропорт охранялся полицейскими в форме и штатском.

Газеты потом писали, будто бы в связи с приездом «корпуса» ожидалась антиамериканская демонстрация и что не состоялась она только потому, что группа прибыла в неурочный час и на день позже объявленной ранее даты.

Уж не теми ли былпущен слух об этой несостоявшейся демонстрации, кто приглашал и встречал «добровольцев», чтобы набить им цену?

Тем не менее, как нам рассказывали, никто из американцев не ожидал, что их выведут из аэропорта буквально через заднюю дверь и повезут в город под усиленной охраной вооруженной полиции и целого батальона детективов.

«Многие в нашей стране опасаются,— писала в связи с этим газета «Трибюн»,— что «корпус мира» сыграет роль троянского коня для американского проникновения в страну... И если их будет сопровождать вооруженная полиция, это вызовет лишь еще большую подозрительность относительно истинных целей «корпуса мира».

«Кстати,— иронически вопрошала в связи с этим газета «Дейли миррор»,— для чего этот корпус назван «корпусом ми-

ра»? Может быть, для того, чтобы его можно было отличить от воинственных организаций, охватывающих (в США) всех тех, кто не является членами «корпуса мира»? Похоже, что здесь нашел отражение тот же принцип, по которому сторонники и противники войны именуются (в США) соответственно «ястребами» и «голубями»...»

«Неужели полиция,— спрашивала «Трибюн»,— будет охранять членов «корпуса мира» в каждой деревушке?»

Это было бы, по мнению газеты, неразумно да и неэффективно, ибо до той поры, «пока будет продолжаться эскалация американской войны во Вьетнаме, «корпус мира» на Цейлоне будет испытывать все большую изоляцию». Крестьяне, писала газета, «так же, как и горожане, настроены антиамерикански, когда речь заходит о вьетнамской войне».

Коммунисты, социалисты, прогрессивная интеллигенция, все честные люди на Цейлоне справедливо усматривают в подобных акциях открытое покушение империалистов на отвоеванное народами право иметь собственное независимое государство.

Все чаще слышатся в связи с этим обращенные к правительству требования строго проводить во внутренней и внешней политике антиимпериалистический и антикапиталистический курс, решительно преодолевать национальную ограниченность и внутренний трепет перед бывшими владыками, направлять страну по некапиталистическому пути развития...

А дорога между тем повертыивает на северо-восток. Наш микроавтобус проносится мимо пальмовых рощ и рисовых полей, мимо возникающих вдали храмов, вдоль гигантской плотины Иодо-Кандия. В деревеньках, что мы проезжаем, по обочинам дорог бродят телята, возле хижин что-то живут буйволы, по их спинам прыгают птицы, выклевывая насекомых. Тропическая растительность словно отступает, вот-вот пойдут саванны и знаменитые цейлонские муссонные леса...

Городской рынок в Тиссамахараме, возле которого мы недолго задержались, живет жизнью всех рынков мира. Здесь люди встречаются, прицениваются, торгаются, спорят, перегружаются, сообщают друг другу последние новости или просто сплетничают, кому-то выражают сочувствие, кого-то с чем-то поздравляют. На низко расположенных лотках вокруг — овощи и фрукты, манго, бананы и ананасы, плоды хлебного дерева, земляные орехи. Здесь же можно купить или продать новейшего фасона рубашку или сари любой расцветки, скобяные и гончарные изделия, кухонные принадлежности, бывшие в употреблении и совсем новые. Словом, здесь можно купить все что угодно, даже пару маленьких ручных обезьян, юрких и бесстыжих. И все это кучно и тесно разбросано на сравнительно не-

большой площадке, крытой пальмовыми ветвями от дождя и солнца, но доступной людям и ветрам со всех четырех сторон.

Из Тиссамахарамы едем смотреть священный храм индуистов в Катарагаме.

По тяжелому, основательно изношенному пешеходному мосту переходим бурную и полноводную реку Меник-ганга и вступаем на святую землю Катарагамы.

К храму ведет пыльная улица, по сторонам которой выстроились в ряд бесчисленные ларьки и лотки, где продаются сувениры, детские игрушки, ритуальные маски. Откуда-то сбегаются голые ребятишки, окружают нас, норовят ухватиться за одежду, тянутся худенькими ручонками, выпрашивая монетки. Вдоль улицы бродят истощенные, искалеченные люди с сумасшедшинкой в глазах. Все они, как правило, обнажены до пояса, сквозь лоснящуюся от кокосового масла кожу проступают ребра. Одни что-то говорят, просят, напевают, проповедуют, а может быть, просто читают на память либо стихи, либо молитвы. Другие сидят на пыльной дороге или под деревом и, опершись локтями об острые колени, вперив взгляд в одну точку, часами пребывают в состоянии бездумного и безбрежного покоя.

Здесь царствуют вечно живые, неумирающие боги Браhma, Вишну и Шива.

Здесь господствуют установленные ими законы, грубый культ природы, характерный для индуизма, младенческая вера в одушевленность окружающего мира. Проповедь греховности всех форм борьбы, принцип непричинения зла превращают человека в смиренное, бездеятельное существо, обязанное довольствоватьсь любым положением, в которое его поставила жизнь.

Останавливаемся у храма бога Вишну. Это весьма любопытный бог, бог — хранитель всего живого, образное олицетворение живой природы. Рассматриваем изображение божества, сделанное весьма искусно. Вокруг горят масляные лампады, и далеко вокруг распространяется опьяняющий аромат цветов храмового дерева.

Стена, окружающая главный храм Катарагамы, украшена чисто сингальскими символами — раскрашенными скульптурными изображениями слонов и павлинов. Сегодня день почитания предков, и для того, чтобы попасть в главный храм, нужно потерять немало времени. А времени у нас, как у всех, кто стремится увидеть побольше, не хватает, и мы ограничиваемся осмотром древнего храма снаружи.

Друзья, сопровождающие нас в поездке, говорят, что политические партии Цейлона весьма многое делают для сохранения храма Катарагамы как исторического памятника и в скором времени все случайные сооружения, в особенности ларьки и лав-

чонки, которыми забита его территория, будут снесены или перенесены в новый город, который строится рядом. А пока здесь идет торг, звучит радио, бродят паломники и просто соглядатаи. Раскрашенные от руки глиняные статуэтки богов на полках отливают всеми цветами радуги. В темно-коричневой воде Меник-ганга, возле самого моста, стирают белье и моются женщины в сари, и мыльная пена сбегает вниз по течению.

— Не удивляйтесь,— говорят друзья,— вода хоть и грязная, но священная...

Вечером в Тиссамахараме мы осматривали очень древнюю дагобу. В свете разноцветных электрических лампочек, которыми она украшена сверху донизу, дагоба кажется сошедшей с цветной картинки из книги старых, забытых сказок. Даже паломники, лежавшие на циновках у ее стен, выглядели существами придуманными, нереальными. Стояла ночь, и над самой головой, окруженная блестящим серебряным кольцом, как это бывает иногда и у нас в зимние ночи, заливала все вокруг призрачным светом какая-то очень маленькая, совсем миниатюрная луна.

НА ГРЕБНЕ ПЛОТИНЫ УДА-ВАЛАВЕ

Едем в Ратнапуру.

По пути останавливаемся возле искусственного водохранилища Чандрика, открытого Соломоном Бандаранайке 7 октября 1957 года, или 2501 года по буддийскому летосчислению, как говорится об этом на каменной плите, стоящей у монументальной лестницы, ведущей на плотину.

Водохранилище Чандрика — сравнительно новое и относительно небольшое ирригационное сооружение. Оно питается водами рек, стекающих с близлежащего горного массива, и служит исключительно целям орошения засушливых земель этого района.

Нам говорят, что на Цейлоне плотины строились всегда. Некоторые водохранилища, построенные еще в XI—XIII веках, имели весьма внушительные размеры. В разговоре упоминалось, в частности, древнее водохранилище Миннерия, водное зеркало которого исчислялось в 2 тысячи квадратных километров.

Иrrигационная техника, заимствованная из Южной Индии, позволила еще в те времена превратить бассейн верхнего течения Меник-ганга в обширный район искусственного орошения. И воды Махавели-ганга через ее ирригационную сеть снабжали водой рисовые поля. Не знаю, насколько достоверна цифра, которую приводили наши друзья, но речь шла о том, что

еще в те далекие времена на острове было создано что-то около 12 тысяч плотин, задерживавших воду рек и ручьев в наиболее засушливых и плодородных районах. Некоторые из этих плотин сохранились до нашего времени, от других остались внушительные следы, и мы видели их.

Вскоре нам довелось побывать на не завершенном еще строительстве современного и относительно крупного водохранилища Уда-валаве.

Дорога к стройке шла живописнейшей местностью, окаймленной высокими синими горами. Она то прорезала крупные плантации чая и каучуконосов, то карабкалась вверх причудливым серпантином, то врезалась в густые, насупившиеся джунгли. Ландшафт менялся буквально на глазах, и не верилось, что такие перемены возможны на сравнительно коротком участке пути.

Стройку мы почувствовали как-то сразу: она дала о себе знать скоплением машин, испорченной и пыльной дорогой, участившимися встречами с людьми, вооруженными строительной техникой.

Неподалеку от стройки нас встретил член Политбюро Компартии, руководитель цейлонского комсомола Саратх Муттетувегама. С ним была жена, настоящая сингальская красавица, общительная и разговорчивая.

— Вы что-нибудь знали до сих пор о Ратнапуре? — допытывалась она. — О том, что наш город — город драгоценных камней? Что здесь добывают рубины, сапфиры, топазы, и добывают очень давно?

— Не только рубины, — добавляет Саратх, — но и свинцовую руду, и графиты, и слюду, и моноциты... Хотя драгоценные камни, даже если их добывают и не так много, куда легче запомнить как особенность нашего города, если, конечно, об этом рассказывает моя жена...

Мы поняли шутку и подняли бокалы за здоровье супруги Саратха. Как выяснилось, поженились они только семь месяцев назад и теперь, счастливые, ждали первенца. Саратх — совсем еще молодой человек, с правильными чертами лица, не скрывал своей бьющей через край радости. И хотя одет он был в европейскую одежду, а на ней было сари, всякий, кто только заглянул бы в их глаза, мог легко догадаться, что это близкие друг другу люди.

Возле конторы строительства мы остановились. Сразу же на столе появились кокосовые орехи. Утолив жажду их соком, мы пешком отправились на плотину.

Плотина водохранилища Уда-валаве уже построена, идут отделочные работы. Как нам сообщили, консультируют строитель-

ство чешские специалисты, предложившие проект с меньшими (вдвое) затратами, чем американцы, к которым Цейлон тоже обращался.

Когда водохранилище будет заполнено, войдут в строй две турбины мощностью 5,7 меговатта и будет обводнено не менее 60 тысяч акров земли.

Мы прошли по гребню плотины, побывали у ее створа, осмотрели установленные уже турбины. И, как выяснилось позднее, каждый из нас подумал о том, как преображает труд не только природу, буйные, непроходимые джунгли, но и человеческие лица. Ведь не только Саратх и его молодая супруга излучали счастье. Подлинную радость видели мы в глазах всех, кто в тропических зарослях, в зеленых предгорьях создавал это чудо, чтобы богаче была родная земля, красивее и легче труд человека.

Вечером в Ратнапуре Саратх выступал на митинге в зале муниципалитета. На столе, покрытом легкой красной тканью, лежали букеты цветов. Трибуна, возле которой он стоял, была украшена пурпурными лентами. Он говорил об Октябре в России, о Ленине, о созданной им Коммунистической партии и о том, что сделала эта партия для своей страны и почему ее пример приковывает к себе умы и сердца трудящихся всех стран и всех континентов.

Саратх говорил не шаблонно, хотя вовсе и не подлаживался под разговорный язык. И речь его была стройной, хорошо продуманной, он бросал в зал слово за словом, словно и не импровизировал, а читал вслух живую, увлекательную книгу. Это была острополемическая, антиимпериалистическая, антианглийская и антиправительственная речь. Слушатели время от времени перебивали его аплодисментами, но он словно и не прислушивался к ним, а так, только для себя, на секунду замолкал, незаметно глубоко вдыхал воздух в легкие и говорил, говорил.

В момент, когда он рассказывал об участии представительных делегаций демократических организаций Цейлона на празднике в Москве, в зале неожиданно погас свет. Саратх продолжал речь так, словно ничего не случилось, а зал никак не реагировал на темноту. Вскоре принесли газовые фонари, потом вновь вспыхнуло электричество, и митинг продолжался, словно ничего не произошло.

Спрашиваем: что бы это значило? Отвечают: не удивляйтесь, это в порядке вещей. Вспоминаем: а ведь и в Коломбо, в гостинице, время от времени гаснет свет, перестают работать лифты и холодильные установки.

И здесь тоже на почетных местах сидели буддийские мона-

хи в шафрановых тогах с черными зонтами в руках. Их лица не были безучастны к происходящему. Их сочувствие тому, что они слышали, не вызывало сомнений.

В ДЖУНГЛЯХ

Над пальмовыми рощами, вплотную подступающими к шоссе, поднимается огромное багровое солнце. И земля вокруг багровая — сплошь красноземы. Время от времени набегает сизый туман, покрывает густой розовой марлей проносящиеся мимо деревья, хижины, рекламные щиты и гасит яркие утренние краски.

День в Тиссамахараме мы начали с экскурсии в джунгли, в знаменитый заповедник Яла. Едем в просторном английском джипе, которому не страшны плохие дороги, и чем ближе оказываемся к цели нашей утренней поездки, тем лучше осознаем, что наш микроавтобус здесь был бы бесполезен.

Заповедник в Яле был основан в 1938 году. Его строго охраняемая часть составляет 71 425 акров. Плюс к этому восточная промежуточная зона — 44 141 акр и северная промежуточная зона — 100 765 акров. Вся эта обширная территория представляет собой охраняемую государством дикую природу.

В заповедник ведут большие металлические ворота с живописным изображением на жести резвящихся оленят. Въезжаем как раз в ту его часть, которая именуется «строго охраняемой зоной». На зеленых лужайках, окаймленных гигантскими деревьями и колючим кустарником, бродят стада оленей, в топких озерах, погрузившись в воду по самые рога, лежат дикие буйволы, в густой траве выискивают падаль черные кабаны, надрывно кричат павлин, перебегают дорогу стайки жирных серых куропаток, в воздухе мелькают желтые и зеленые птицы.

Машина наша, словно подводная лодка, бесшумно скользит в окружающем нас зеленом океане. Нашего шоferа зовут Эдвин. Он немолод, одет во все белое, бос, как и все местные жители. Он, видимо, не очень доверяет мирному поведению обитателей джунглей. Во всяком случае, и он и сопровождающий нас гид Мохиддин, мусульманин, что здесь встречается не так часто, пропускают мимо ушей наши просьбы «чуть задержаться», «подождать чуть-чуть», разрешить нам «хоть на минутку» вылезти из машины. Вместо всего этого, чтобы погасить наш непросвещенный энтузиазм, они время от времени задают нам иронические вопросы:

— А вы знаете, что такое пантера?.. Или дикий кабан?.. Или, может быть, вы хотите поближе познакомиться с королевской коброй?..

Нет, при ближайшем рассмотрении таких знаний и таких желаний у нас не обнаруживается.

— Тогда смотрите сюда,— как-то очень тихо и уважительно шепчет Эдвин.

Мы дружно повертываемся и замираем.

Слева от нас, в непроходимых зарослях колючего кустарника, одиноко, как тяжелая базальтовая глыба, застыл дикий слон — хозяин здешних мест.

Долго-долго, кажется, целую вечность, он никак не реагирует на наше появление и наш почтительный интерес к нему. Затем происходит то, чего мы никак не ждали: владыка джунглей выходит из кустов и повертывается к нам задом. Машина наша медленно движется за ним, нам хочется получше рассмотреть и поближе познакомиться с приглянувшимся нам слоном, но у того, видимо, другие планы, и он быстро скрывается в чаще.

Мохиддин говорит, что в заповеднике в настоящее время насчитывается что-то около 300 диких слонов, хотя точно подсчитать их пока никому не удалось, и что встречи с ними не всегда проходят без опасных происшествий.

По узкой тропке, настолько узкой, что колючий кустарник оставляет следы на отполированном кузове джипа, пробираемся на океанский берег. У самой воды, в земле, рыбакские избушки, крытые пальмовыми ветвями, которые, как говорят, не может пробить никакой дождь. На песке стоят катамараны, в одном из них — свежая рыба: морские окунь, рыба-молот, полуметровые акулы и еще какая-то мелочь из ночного улова.

За узкой коралловой косой пенится прибой. Все катамараны уже вернулись. В океан на этих узких лодочонках рыбаки выходят обычно на ночь, причем берут с собой только бутылку пресной воды. Возвращаются на рассвете. Улов редко бывает богаче, чем тот, что мы видели, хотя океан богат рыбой. Отсталая, примитивная техника. Эдвин говорит, что так ловили рыбу еще его отец, его дед, а может быть, и прадед.

Мы провели в джунглях что-то около пяти часов. Возвращались другой дорогой. Снова встречались нам большие стада оленей: рога самцов, ведущих стадо, возвышались над зелеными зарослями, словно сухие, опаленные солнцем ветви.

На камнях грелись и, завидев нас, быстро скрывались в кустах гигантские ящерицы — игуаны. Нырнув в кусты, они начинали выражать свое недовольство, издавая звуки, похожие на морянку.

На засохших деревьях сидели, озирая окрестности, тяжелые, неуклюжие птицы-рогоносцы. Мимо машины пронесся кабаненок с разорванным, кровоточащим ухом. Вдали появился то ли волк, то ли шакал. В небольшом голубом озере величаво плавали черные лебеди, а по топкому берегу бродили розовые фламинго и белые цапли.

Резко, раздраженно кричали обезьяны, ими было буквально усыпано дерево палью.

Прощаясь с Мохиддином и другими работниками заповедника, мы подарили им русские сувениры. А когда выехали за ворота, полные впечатлений, кто-то не вытерпел и сказал:

— А слон был хорош!

Это была наша первая встреча с исконной природой Цейлона, первая, но не последняя.

Прежде чем попасть в Канди, мы остановились у его ворот, километрах в пяти-шести, в mestечке Перадения, где вдоль полноводной реки Махавели-ганга расположен знаменитый Кандийский ботанический сад.

Ботанический сад — в прошлом его именовали «Королевским» — обширен: на многие километры протянулись его тенистые аллеи, цветники, пальмовые коллекции, оранжереи. Кроны вековых деревьев образуют над нами зеленый решетчатый купол, сквозь который с трудом пробиваются небесная лазурь и солнечные лучи.

Мы начинаем осмотр с бамбуковых насаждений, поднимающихся в высоту метров на двадцать — двадцать пять. Нам показывают затем кустарниковые растения самых необычных форм, среди них вооруженные колючками, источающими яд, способный убить человека.

Седой старик с изрезанным глубокими морщинами, усталым лицом и удивительно добрыми, почти детскими глазами показывает нам свое детище — коллекцию тропических орхидей. Старика зовут Крисадуа. Он работает здесь уже более четверти века. Его любовь к своему делу поистине не знает границ. С цветами он обращается осторожно, как с чувствующими и понимающими человека живыми существами.

— Я покажу вам нечто такое, о чём еще мало кто знает, — говорит он. — Смотрите сюда. Этую орхидею я вывел совсем недавно и назвал ее «Иованка», в честь Иованки Броз, супруги президента Югославии, посетившего нашу оранжерею несколько лет тому назад... А теперь посмотрите орхидею Святого креста, Скорпионовую орхидею, изящную «Женскую туфельку» и вот эту зеленую неженку «Недотрогу», отзывающуюся на малейшее прикосновение...

Цветник посещают тысячи людей. И все они говорят спасибо человеку, украшающему жизнь творением разума и рук своих — удивительными, фантастическими цветами.

КАК ВЫ ЖИВЕТЕ, РУССКИЕ?

Из ближайшего домика выносят на улицу обыкновенный деревянный стол и несколько табуреток, ставят их под пальмой, в кроне которой высоко вверху висят гроздья тяжелых желтых плодов, зажигают фонарь, хотя на улице еще совсем светло, и председатель комитета четырнадцати ближайших деревень Динорис начинает речь, посвященную полувековому юбилею Октябрьской революции в России.

Проходит мгновение, и вот уже улица запруженна людьми, мужчинами и женщинами, молодыми и старыми. Проезжающие мимо машины останавливаются и тотчас превращаются в трибуны для слушателей. Шоферы высовываются из кабинок.

— А, здесь советские товарищи, постоим, послушаем...

Слово «саходарайя» («товарищ») было едва ли не первым словом, которое мы запомнили уже в первые дни нашего пребывания на Цейлоне. И теперь это явно импровизированное собрание в Тиссамахараме началось тем же словом:

— Саходарайя!..

А когда собрание закончилось, я опять услыхал это слово, оно было произнесено совсем рядом:

— Саходарай!

Ко мне обращалась старая, седая женщина в вишневом сари и с большим самодельным бантом из красного шелка на груди. Ее серые лучистые глаза на темном лице, испещренном множеством морщин, были столь выразительны, пронизаны таким волнением и желанием что-то сказать, что мы невольно потянулись ей навстречу. Кто-то из нас приколол к красному шелку на ее груди советский юбилейный значок, она долго благодарила, сложив ладони у подбородка, и вдруг спросила:

— А как вы живете, русские?..

В самом деле, как мы живем? Как живут наша страна, наши города и села, наши люди? Во имя чего мы трудимся, какие идеи делают нашу работу благородной и возвышенной, какие желания и стремления порождают они и чем наполняют повседневную жизнь от восхода до заката?

На все эти вопросы нам пришлось отвечать не только в Тиссамахараме.

В Канди в бедном и тесном помещении рабочего клуба мы в течение двух часов беседовали с членами коммунистической организации города и сочувствующими им. У входа в клуб нас встретили секретарь комитета Вималавира и член ЦК Компартии Фернандо. В знак дружбы и уважения они поднесли нам пряные на вкус зеленые листья бетеля, познакомили с собравшимися.

Аудитория оказалась очень интересной. Здесь были рабочие, видимо, только что закончившие работу и не успевшие перебраться, крестьяне, трудившиеся на собственных участках и покинувшие их ради этой встречи, издольщики и батраки, адвокаты, врачи и инженеры, в том числе двое совсем молодых, получивших инженерное образование в Советском Союзе и весьма обрадованных возможностью приветствовать советских людей на русском языке.

Посыпались вопросы — и устные и в записках, и первый из них гласил:

— А как вы живете, русские?

Пришлось отвечать, отвечать неторопливо и подробно, сообщать нечто такое, чего не знали и не могли знать наши собеседники, опровергать выдумки, разрушать устоявшиеся предрассудки.

Пришлось прежде всего напомнить, что наша революция была совершена во имя трудящегося человека, для блага трудящегося человека. Именно поэтому мы и говорим о ней как о революции социалистической, которая сокрушила строй эксплуататоров и покончила с эксплуататорами, создала новый тип государства — государство рабочих и крестьян, в условиях которого был построен социализм и создано первое в мире социалистическое общество.

Социализм принес трудящимся все блага жизни: подъем экономики и культуры, высокие темпы развития науки и техники, всеобщую и полную занятость населения, непрерывное повышение народного благосостояния. И это в условиях, когда двадцать лет ушло на отражение агрессии империалистов и восстановление разрушенного войнами хозяйства. Иначе, однако, и быть не могло. Социализм создал нового человека, свободного от эксплуатации и страха перед завтрашним днем и хорошо знающего, во имя чего он живет, борется, страдает и побеждает...

А дальше пошли уже конкретные ответы на конкретные вопросы.

— Какова численность Коммунистической партии? — 12 миллионов 800 тысяч человек.

— Велико ли влияние профсоюзов? — Да, очень велико и во всех без исключения областях хозяйства и культуры. Профсоюзы объединяют 86 миллионов человек, по существу, всех без исключения рабочих и служащих.

— Существуют ли у вас пенсии по старости или инвалидности и все ли ими пользуются? — Да, существуют, и пользуются ими все: в СССР 34 миллиона человек получают пенсии по старости и инвалидности.

— Говорят, вы много строите жилья, так ли это? И всем ли доступно новое жилье? — Да, мы строим сейчас столько жилья, что с нами не сравняется ни одна страна мира. А доступно ли оно трудящимся, об этом судите сами: у нас справляют новоселье в течение года примерно 10—11 миллионов человек — как раз столько, сколько жителей на Цейлоне. За последние десять лет почти половина всех жителей нашей страны переехала в новые квартиры.

— Правда ли, что в России в сельском хозяйстве преобладает ручной труд? — Ручного труда действительно многовато. Но как можно думать, что он преобладает, если перед революцией у нас в деревне было 8 миллионов деревянных сох, а сейчас — 1 миллион 600 тысяч тракторов и 531 тысяча комбайнов, если все колхозы и совхозы пользуются электрической энергией! Похоже ли это на «преобладание»?

— Говорят, что вы все еще отстаеете от США в промышленном развитии? — Да, это так. США пока стоят на первом месте в мире, а мы пока на втором. Говорю «пока» потому, что за пятьдесят лет продукция промышленности у нас выросла в 66 раз. Среднегодовой прирост промышленного производства составил в СССР 11,1 процента, а в США — лишь 4 процента. Подождем годок, другой — и тогда посмотрим, кто окажется отстающим, а кто будет впереди.

Вопросов было много, и желающих задать их тоже немало. Спрашивали об экономической реформе («Уж не капитализм ли это, коль скоро речь идет о прибыли?»), о растущих доходах крестьян и о высоких заработках тех, кто хорошо работает («Не поведет ли это к тому, что такие работники станут деньги копить, чтобы потом купить фабрику или магазинчик?»), об оплате женского труда и охране материнства и детства («Не врут ли люди, что женщины у вас получают равную с мужчиной оплату и что государство до и после родов, четыре месяца, содержит женщину-мать за свой счет?»).

Немало получили мы и таких вопросов, в которых затрагивались вопросы внешней политики Советского Союза и, в частности, нашего отношения к национально-освободительной борьбе народов Азии и Африки.

Те, кто пережил вторую мировую войну, вероятно, помнят, что в начале 1942 года над Цейлоном нависла угроза японского вторжения. Японский военно-морской штаб вынашивал план захвата острова. В водах Бенгальского залива появилась японская эскадра. Побережье Цейлона подверглось бомбардировке. И если японский план не прошел и бедствия войны миновали остров стороной, то главной причиной этого послужило давно назревавшее, основательно готовившееся Японией вступление в войну с СССР. У японского империализма не хватило сил, которые он мог бы безнаказанно снять с советско-японской границы и бросить на юг.

Приятно было узнать, как высоко ценят простые люди Цейлона бессмертный воинский подвиг Страны Советов, в течение долгих четырех лет один на один сражавшейся с гитлеровской Германией, захватившей чуть ли не все европейские государства, как высоко ценят они неисчислимые жертвы и героические усилия советского народа, сокрушившего германский фашизм и сыгравшего величайшую роль в разгроме японского милитаризма и его вооруженной до зубов армии, поработивших многие страны Азии.

Приятно было почувствовать, что миролюбивая политика Советского Союза встречает глубокое понимание и полную поддержку у наших друзей на Цейлоне.

Всех волновала агрессия США против Вьетнама и угроза того, что военные действия могут переброситься на новые районы, втянуть в жерло войны другие народы и государства. Сколько грязных выдумок, наговоров и инсинуаций в отношении позиции СССР и советской политики во вьетнамском вопросе ежечасно и ежедневно обрушают буржуазная и в особенности китайская пресса и радио на головы простых людей!

И надо было видеть, с каким волнением и радостью были приняты наши простые слова о том, что Советский Союз оказывал, оказывает и будет оказывать героическому вьетнамскому народу всестороннюю военную и экономическую помощь и активную политическую поддержку в его справедливой борьбе, что вся военная помощь оказывается нами безвозмездно и что вьетнамские друзья высоко оценивают и всякий раз с благодарностью отмечают выдающееся значение бескорыстной советской помощи.

В заключение мы привели слова Л. И. Брежнева, сказанные им в Софии в мае 1967 года: «Пусть агрессоры знают: борющийся Вьетнам никогда не останется без помощи друзей. Наш ответ был и будет полностью соразмерен с потребностями эффективного отпора зарвавшимся империалистическим интервентам».

Были у нас и другие встречи и беседы с простыми людьми Цейлона, но встречи на улице в Тиссамахараме и ночной разговор в рабочем клубе в Канди, пронизанные глубокой сердечностью и подлинной интернациональной солидарностью, нам никогда не забыть — так велики были и душевная теплота, и сердечная отзывчивость, и подлинно товарищеское взаимопонимание, которые довелось почувствовать во время этих встреч!

Обращаясь к каждому участнику состоявшихся бесед, мы употребляли слово «товарищ» и всегда чувствовали при этом, сколь значительно и веско звучало это слово в любой аудитории на Цейлоне.

И таким же глубоким по смыслу, содержательным и выражающим очень многое было обращенное к нам слово:

— Саходарай!..

«ДОБРЫЙ И ИСКРЕННИЙ ДРУГ»

В ноябре 1967 года, в канун пятидесятилетия Октября, в Коломбо вышла в свет брошюра генерального секретаря Компартии Цейлона Питера Кейнемана «Октябрь, национальное освобождение и Цейлон».

Небольшая, казалось бы, работа, но какой поучительный исторический опыт изложен на ее страницах в сжатой до предела, буквально тезисной форме!

Мало сказать, что эта брошюра написана истинным патриотом своей страны и искренним другом Советского Союза. Она вышла из-под пера человека, глубочайше убежденного в том, что его страну, его народ ждет счастливое будущее, но что раскрепощение и расцвет производительных сил, быстрый подъем жизненного уровня населения возможны только на путях классовой борьбы против внутренней реакции и империализма, на путях укрепления государственного сектора в экономике и всемерного поощрения кооперативного движения, в условиях прочного союза и взаимодействия с Советским Союзом, с другими социалистическими странами и антиимperialистическими силами.

Для национально-освободительного движения, пишет Кейнеман, «открывается новая стадия, когда борьба за экономическую независимость, социальный прогресс и глубокие социально-экономические и структурные изменения становится главной проблемой. Это полностью отвечает учению Ленина, что национально-освободительное движение не кончается, когда политическая независимость завоевана, и не может окончиться до

тех пор, пока экономическое освобождение и социальный прогресс еще не достигнуты»¹.

Соглашение по торговле и товарообмену, подписанное в феврале 1958 года, оказалось хорошей основой для развития взаимовыгодной торговли между Цейлоном и Советским Союзом.

Создание шинного завода в Келании положило предел тому существовавшему многие десятилетия ненормальному положению, когда вопреки коренным интересам цейлонской экономики натуральный каучук вывозился из страны за границу, там обрабатывался, а затем возвращался на Цейлон уже в виде готовых автомобильных шин.

Шинный завод в Келании будет производить 360 тысяч автопокрышек в год. Он полностью обеспечит потребности Цейлона в автопокрышках и даже, как полагают, позволит часть изготовленной им продукции экспорттировать в соседние страны.

Металлургический (прокатный и сталеплавильный) завод в Орувела кладет хорошее начало национальной тяжелой промышленности. Его прокатные станы уже дают сортовое железо и проволоку. Завод уверенно набирает темпы, и, видимо, не за горами то время, когда он будет работать на полную мощность.

Цейлонские друзья рассказывали нам, какие противоречия, какие жестокие столкновения различных интересов сопутствовали строительству металлургического и шинного заводов. Интересов внутренних и иностранных интересов. Зарубежные шинные монополии пытались даже перекупить у правительства Цейлона шинный завод еще в то время, когда он не был закончен строительством. Позднее они пытались шантажировать правительство, побудить его войти с ними в долю.

Легко понять, почему все это происходило.

Металлургический и шинный заводы строились на Цейлоне с помощью Советского Союза. Это означало серьезную брешь в искусственной стене той традиционной зависимости, которую иностранные империалистические монополии навязали Цейлону силой. Это означало, наконец, что Цейлон вполне может стать самостоятельной в экономическом отношении, развитой промышленной страной.

Многие политические деятели этой страны в беседах с нами считали необходимым подчеркнуть, что уже эти первые предприятия, построенные с советской помощью, помогли укрепить цейлонскую экономику, побудили цейлонское государство лучше оснастить себя для борьбы с неоколониализмом и захватом экономической независимости.

¹ Pieter Keuper map. October, National Liberation and Ceylon, Colombo. 1967, p. 11.

К сожалению, обусловленное еще в 1964 году правительством мадам Бандаранаике строительство с помощью СССР завода блочного домостроения так и не было начато. Правительство Дадли Сенанаяке не пожелало воспользоваться договоренностью, достигнутой его предшественником. Не полностью были использованы и кредиты, предоставленные СССР Цейлону в соответствии с заключенными в свое время соглашениями об экономическом и техническом сотрудничестве.

Тем не менее за истекшее десятилетие объем советско-цейлонской торговли увеличился без малого в 9 раз. Сумма товарооборота достигла в 1966 году 200 миллионов цейлонских рупий. Экономическая статистика, которую мы заимствовали из цейлонских газет, позволяет установить, что Советский Союз занимает ныне третье место среди стран, куда Цейлон вывозит чай, каучук, кокосовое масло, изделия легкой промышленности и другие товары.

Импорт товаров из Союза также играет все большую роль в экономике Цейлона. Из Советского Союза Цейлон получает нефтепродукты, металл, цемент, целлюлозу, газетную бумагу, текстиль, сахар, сгущенное молоко. 70 процентов ввозимого в страну цемента, 65 процентов нефтепродуктов, 60 процентов фанеры, 40 процентов сахара теперь поступают из Советского Союза.

То, что Цейлон смог получить нефтяные продукты из СССР, дало ему возможность установить государственную монополию на сбыт нефти в стране. Никакие угрозы и шантаж со стороны английских и американских нефтяных компаний и правительства США, которое внезапно объявило о прекращении так называемой помощи Цейлону, не смогли заставить Цейлон отказаться от этого своего решения. И хотя на площадях и улицах цейлонской столицы пока еще мелькает пестрая реклама «Эссо» и «Шелл», но национальная нефтяная компания «Ланка» уже действует на всей территории острова против мировых поставщиков нефтепродуктов, и действует хорошо. Нам довелось, правда, слышать, что и после создания национальной компании «Эссо» и «Шелл» все еще пытаются так или иначе прорываться на цейлонский рынок. Но это, думается нам, остаточные действия, хотя их опасность вовсе не следует сводить к нулю.

В последнее время отношения между Цейлоном и СССР расширялись и по многим другим направлениям. Обмен визитами на правительственном, парламентском, культурном и иных уровнях, обмен делегациями между политическими партиями, профессиональными союзами, юношескими, женскими, студенческими, творческими и кооперативными организациями заметно

вырос. У иностранных и местных цейлонских реакционеров все меньше остается возможностей безнаказанно распространять ложь и клевету на СССР, как они делали это в недалеком прошлом, все труднее засорять сознание цейлонцев нелепыми выдумками и инсинуациями, возбуждать недружелюбные или враждебные чувства в отношении СССР.

«Тот факт,— писал Питер Кейнеман в брошюре, которая уже упоминалась,— что пятидесятая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции праздновалась на Цейлоне в таком широком масштабе и столь многими и разными слоями цейлонского общества, показывает, что огромное большинство цейлонского народа рассматривает Советский Союз как доброго и искреннего друга Цейлона и хорошо понимает, что дружба и сотрудничество с Советским Союзом являются неотъемлемой частью их усилий, направленных на завоевание политической и экономической независимости Цейлона, на борьбу против старого и нового колониализма. Это показывает также, что широкие народные массы Цейлона признают и ценят ту важную роль, которую Советский Союз играет в мировом масштабе в борьбе за мир и разоружение, за национальное освобождение, демократию и социализм...»¹.

И ОПЯТЬ ДОРОГИ

Итак, едем в Канди. Время раннее. Коломбо только-только просыпается, и микроавтобус наш бежит много увереннее, чем в дневные часы.

За городом, у поворота к шинному заводу, останавливаемся. Это тот самый завод, о котором мы упоминали: он построен с помощью Советского Союза и введен в эксплуатацию в марте 1967 года. Нынешний его владелец— Цейлонская шинная корпорация, подчиненная министерству промышленности.

Между тем движение на дороге усиливается: волы, велосипеды и автомобили явно мешают друг другу, и уж совсем не вмещается в общий строй прирученный слон — огромное и, кажется, не такое уж миролюбивое животное.

В mestечке Хорагола расположено поместье Соломона Бандаранайке, основателя Партии свободы Цейлона. Здесь он жил, отсюда избирался в парламент, здесь кремирован. На памятни-

¹ Pieter K e u n e m a n , October. National Liberation and Ceylon. Colombo. 1967, p. 34.

ке, воздвигнутом на месте кремации, надпись: родился в 1899 году, убит 26 сентября 1959 года.

Как мало, как скучно! И кто бы мог добавить к этому хоть какие-то подробности, о которых мечтают узнать люди, изучающие страну? Ответ не заставляет себя ждать...

Бандарапаике был убит буддийским монахом по имени Самирама, убит на веранде собственного дома в Коломбо во время утренней аудиенции четырьмя пулями из полицейского кольта. Убийца, принадлежавший к монастырю Келания, был подготовлен к свершению преступления настоятелем монастыря по имени Буддхаракита, владельцем акций, упавших в цене вследствие каких-то действий Бандарапаике. Следствие по делу об убийстве сразу же оказалось запутанным. Убийца вскоре умер. Настоятель монастыря был приговорен к пожизненному заключению, но в мае 1967 года скончался в тюрьме, по официальному сообщению, от разрыва сердца.

В поместье Хорагола и поныне живет мадам Бандарапаике. Мы проехали мимо ее дома, мимо школы, построенной ею. Осмотрели памятник, представляющий собою весьма солидное архитектурное сооружение. В центре его — многотонный неотесанный монолит, символизирующий сложную и целеустремленную жизнь и величие мысли покойного. Над камнем поднимаются ввысь пять колонн — пять принципов панча-шила. А вокруг густые пальмовые насаждения, раскидистые кроны хлебного дерева, участки, засаженные ананасами. Мимо, по магистральному шоссе, бегут автобусы, багажники на их крышах забиты зелеными связками бананов, их везут на городские рынки. По обочинам дороги идут босые женщины в темных сари, несут на головах тяжелые плетеные корзины с фруктами и в пути словно пританцовывают.

В деревеньке Батамля останавливаемся. Здесь возле каждой хижинки стоит маленький самодельный столик, милые девушки продают проезжающим орешки «каджу». Возле столиков, прямо на земле, они разбивают их камнем, очищают от скорлупы, чуть-чуть подперчивают, поджаривают на железном листе, ссыпают в кулечки, сделанные из газет, и ждут покупателей.

Мы купили орешки у девушки по имени Лила. Она продавала не только орешки, но и кокосовые орехи, и плоды манго, и ананасы. Лила смело отвечала на наши вопросы и громко, по-цыгански смеялась.

Мы спросили: как зовут ее соседок? Она, смеясь, назвала их: Сомавати, Чандрика, Ясавати, Карунавати, Ариоти, Анулавати, Рупавати. У всех девушек были правильные, красивые светло-коричневые лица, жемчужно-белые зубы (что,

впрочем, характерно здесь и для молодых мужчин), глубокие карие глаза. Судя по всему, они умели привлечь покупателей и даже похвалялись, что несколько лет тому назад некий высокопоставленный гость Цейлона останавливался в их деревушке, покупал орешки и ананасы и подарил им (подумать только!) 500 рупий. Впрочем, сопровождавшие нас друзья с улыбкой рассказывали нам, что еще в прошлом году эта цифра в устах девушек была не столь значительной. Неужели и здесь дает о себе знать девальвация?..

Проезжаем по избирательному округу Дадли Сенанаяке — нынешнего главы правительства. Нужно отдать должное реализму этого политического деятеля: он отказался от многих предубеждений по отношению к Советскому Союзу, присущих в прошлом Объединенной национальной партии. Во всяком случае, он понял, что опыт предшествовавших ему правительств, возглавлявшихся сначала господином Бандаранайке, а затем его супругой мадам Бандаранайке, убедительно показывает, что сотрудничество Советского Союза и Цейлона на международной арене является положительным фактором, способствующим ослаблению международной напряженности и укреплению мира, в особенности в современной сложной международной обстановке, которая настоятельно требует расширения и активизации такого сотрудничества.

В предисловии к брошюре, подготовленной Лигой цейлоно-советской дружбы к пятидесятилетию Советского государства, Дадли Сенанаяке писал: «Со времени своего основания 50 лет тому назад Союз Советских Социалистических Республик выступал как страна, оказывающая широкое влияние на ход международных событий и активно участвующая в деле сохранения международного мира. Мы на Цейлоне с интересом следим за усилиями советского руководства, направленными на ослабление международной напряженности. Мы особенно приветствуем конструктивную заинтересованность СССР в деле поддержания мира в Азии и его активную работу об экономическом благополучии стран, получивших недавно независимость».

Хорошие слова, правильные и, если учесть, что по ряду международных вопросов Цейлон на международной арене занимает позиции, сходные с позициями СССР, глубоко продуманные. Цейлон, в частности, выражает тревогу в связи с американской агрессией во Вьетнаме, выступает за безоговорочное прекращение бомбардировок Северного Вьетнама и заявляет, что только Женевские соглашения 1954 года могут служить подходящей базой для восстановления мира в этом районе земного шара.

...Минуем зеленый, разбросанный городок Кегалле, подняв-

шийся над небольшой речушкой. Начинается подъем, свежеет воздух. Вдали возвышается Библейская скала — совершеннейший конус, господствующий над местностью, глубоко внизу — рисовые поля, а за перевалом — городок Кадуганнава. В городском кинотеатре идет фильм «Море, море...», которым Цейлон был представлен на V Международном кинофестивале в Москве в июле 1967 года.

И вот мы в Канди, живописнейшем городе Цейлона, расположенному на высоких холмах, словно на зеленых подушках, и опрокинутом целиком в неподвижную лазурь священного озера.

О Канди говорят, что это «страна внутри страны», фантастическое сочетание тропической и горной растительности, крутых холмов и глубоких водоемов, чайных плантаций и не-проходимых лесов. Воздух здесь прохладный и свежий, пронизанный запахами диких цветов и эвкалиптов. Домики — в английском стиле, с лужайками и садами.

Здесь, на склоне лет своих, «после закончившейся борьбы», мечтал поселиться Жорж Клемансо, чтобы «жить среди этой красоты до своего конца». Неизвестно, однако, как бы отнесся к столь легкомысленной идее своего французского коллеги по версальскому переделу мира и антисоветской интервенции другой, не менее страстный ценитель колониальных красот — Давид Ллойд-Джордж. Во всяком случае, уж он-то хорошо знал, как не просто было расположиться, как у себя дома, «среди этой красоты» вооруженным до зубов английским колонизаторам.

В самом центре Канди, в древнем буддийском монастыре, окруженному, как средневековая крепость, глубоким рвом, наполненным водой, и привлекающем толпы паломников, хранится... зуб Будды.

Разные, понятно, бывают святыни, в честь которых возводятся храмы и строятся монастыри. Здесь, в Канди, такой святыней оказался зуб основателя распространенного на Востоке религиозного учения.

Нам рассказывают о кандийской «перахере» — традиционном празднике буддистов, проводимом в августе в течение 14 дней. Каждый вечер, с заходом солнца, при свете многих сотен дымных факелов, от монастыря, растянувшись на полтора-два километра, движется процессия. Ядро процессии — необычайно разукрашенные слоны, на первом из которых драгоценный ларец с монастырской реликвией, вокруг — погонщики слонов, полуоголые барабанщики, знаменитые кандийские танцоры, вेरующие паломники и бесчисленные толпы туристов.

Оставив наши ботинки на пыльных каменных ступенях, мы

вошли в этот монастырь, присутствовали при богослужении и даже пробились в его святая святых, к выполненному из золота и драгоценных камней ларцу для перевозки зуба. У статуи лежащего Будды вдыхали тонкий аромат цветов храмового дерева, цветов лотоса, орхидей, канн и совсем нам неведомых — идде, сепалики, самапличча, из которых местные жители плетут пышные гирлянды. Все это обошлось нам в 20 рупий. Их принял от нас с поклоном служитель Будды в шафрановой тоге. Левая его рука была прижата к сердцу, в правой он держал серебряное блюдо, на замысловатые узоры которого и легли протянутые нами рупии.

Неподалеку от Канди, в Перадении, осмотрели колледжи и общежития студентов университета. Расположенный на берегу Махавели-гanga, университет этот считается одним из наиболее красиво расположенных и умно распланированных университетов мира. Мы не могли возражать против этого утверждения: спроектированный английским архитектором сэром Патриком Аберкромбайлом, университет в Перадении действительно прекрасен. Странное, однако, дело: студенты и преподаватели, с которыми мы встречались и беседовали, меньше всего говорили о его внешней красоте. Все вокруг было закрыто, и ничего не нарушало странную, томительную тишину: студенты бастовали.

Впрочем, о студенческих забастовках мы кое-что слышали или читали в газетах и до посещения Канди. Газеты «Обсервер» и «Таймс оф Цейлон» как раз в эти дни писали об угрожающем ультиматуме, который администрация университетов в Видьодая и Коломбо предъявила бастующим студентам. «Двум тысячам студентов,— писала одна газета,— предъявлен ультиматум: возвращайтесь на занятия сегодня же или будете изгнаны». «Тем студентам,— писала другая,— которые не появятся на занятиях, будут направлены заказные письма с извещением об исключении из университета». «Совет опекунов и премьер-министр,— писала третья газета,— одобрили такое решение университетских властей».

В Канди мы познакомились с директором местной хореографической школы г-ном Ратнапала, человеком, несомненно, увлеченным и гордым тем, что возглавляемая им школа стала ныне чуть ли не единственным местом, где культивируются традиции кандийских танцев.

Кандийские танцы — самые старые национальные танцы сингалов. Их ритмы поистине неповторимы, их формы уходят в глубокую древность: когда-то они носили ритуальный характер, а позднее включались как обязательный номер в любую программу, которой встречали и приветствовали желанных гостей.

Г-н Ратнапала не спешил, а может быть, и не стремился по скромности рассказать нам об успехах своих воспитанников. Но мы уже знали о них: кандинские танцоры не раз выступали в Европе и Америке и всюду были приняты с восторгом.

В зале муниципалитета выступали самые юные воспитанники г-на Ратнапала — десяти — двенадцатилетние девочки и мальчики. Они выходили на сцену тройками, в ярких, расшитых золотом и бисером национальных костюмах и под барабан медленно, ритмично кружились по сцене. Первая тройка, вторая, третья... Последними на сцену вышли девочка лет восьми и такой же мальчик, полуголый, с бусами на шее. В их ритмичных танцах поражали согласованность движений, выразительность жестов, глубокая, захватывающая эмоциональность.

На сцене — в углах — стояли узорчатые круглые опахала, в центре — на столе — скрещенные копья, по бокам — на деревянных подставках — гигантские слоновьи бивни.

Мы подарили детям памятные советские значки с изображением спутника и кремлевской звезды.

Значки почему-то заинтересовали полицейских, которых, кстати сказать, возле муниципалитета и вообще в городе было предостаточно. Полицейские попросили подарить советские значки с изображением кремлевской звезды или спутника каждому из них, что мы, разумеется, и сделали. Позднее мы пожалели, что не догадались попросить и полицейских что-нибудь сплясать, как в таких случаях принято.

ПОЭМА ИЗ КАМНЯ

Друзья настаивают, чтобы мы посетили Полоннаруву — древнюю столицу Цейлона. Они называют ее городом грез, запечатленной в граните мечтой, поэмой из камня.

Из Канди в Полоннаруву мы отправляемся с рассветом, что-то около шести утра. На улицах города — неправдоподобная тишина. И только против гостиницы в темном, неподвижном священном озере, за крошками хлеба и зернами риса, брошенными с набережной, охотятся рыбы и черепахи, да в густой кроне вечнозеленых деревьев шумят и дерутся узконосые иссиня-черные вороны.

Дорога из Канди в Полоннаруву кажется похожей на все дороги Цейлона, которыми мы проехали: та же буйная, неудержимо растущая зелень вокруг, неправдоподобные, словно сделанные из глянцевой красной или желтой бумаги цветы, за-

литые водой террасы рисовых полей, каучуковые плантации, манго и ананасы, ванильное дерево. Возводи хижину в этих зарослях, приложи руки к благодатной земле — и живи безбедно!

Но чайные плантации, вдоль которых устремилась вперед дорога, едва ли не наполовину принадлежат англичанам и еще на треть — смешанным фирмам. Понятие «захребетник», знакомое каждой колониальной стране, не потеряло еще своего значения для этого английского доминиона. В последние годы из-за превышения импорта над экспортом ввоз товаров на остров резко ограничен. Но ввозят по-прежнему и рис и муку, мясо и рыбу и другие товары первой необходимости.

Кто-то из сопровождающих нас друзей рассказывает легенду о Сэрадиеле, цейлонском Робин Гуде, простом крестьянине, которого в конце прошлого века увлекла идея материального равенства людей. Сэрадиел грабил богатых англичан, проезжавших этими местами, и все — до последнего цента — раздавал крестьянам. Англичане поймали его и отрубили голову.

По пути, в mestечке Дамбула, сняв обувь, в течение полутора часов осматриваем вырубленный в скале древний пещерный храм. Гигантская статуя Будды, достигшего нирваны, стоит в окружении многих других скульптур.

Сколько раз мы уже встречались здесь со скульптурными изображениями скрестившего ноги божества, устремившего спокойный взгляд огромных глаз на кончик собственного носа и источающего неуловимые мысли! Сколько раз рассматривали следы сохранившихся фресок на крутых сводах пещерных храмов, с трудом улавливая белые, красные, оранжевые, золотисто-желтые и черные тона плоских изображений, повествующих о давно прошедших временах!

Огонек факела в руках сопровождающего нас гида колышется, и округлые, безбородые пророки и цари, не таясь, переглядываются между собой.

Босые ноги быстро устают от осторожного скользжения по каменному ложу пещерного храма. Выходим на свет, обуваемся, расправляем плечи. Оказывается, пока мы осматривали храм, пошел дождь, холодный и смолистый. Обезьяны над нами легко прыгают по мокрым сучьям столетних деревьев, соскаивают на землю, собирают во дворе ритуальные плоды, оставшиеся от проходившего здесь богослужения. Полуголый монах, полу-закрыв глаза, бьет в барабан. Высокие, ошеломляющие звуки гаснут где-то вверху, под глухими скалами, нависшими над нами. Какой странный, полуфантастический, труднодоступный для понимания мир!

Не скрою, однако, что позднее, уже после осмотра каменных чудес Полоннарувы, мы пожалели, что нам не довелось

побывать в Сигирии, осмотреть развалины ее каменной крепости и живопись на западной стороне скалы, произведения безымянных мастеров прошлого, упоминания о которой сопутствуют всем серьезным исследованиям древнеиндийского и древнечайлонского искусства. Картинная галерея на скалах, состоящая из плоских, без рельефной расцветки изображений золотых полуобнаженных дам, вырастающих из облаков и красивых по любым критериям красоты, оказалась недоступной для нас из-за больших ремонтных работ, проводившихся на дороге в Сигирию.

Но снова в путь! Вскоре наш микроавтобус свертывает на самую длинную и наиболее благоустроенную дорогу острова Коломбо — Тринкомали, пересекающую его по диагонали, с запада на северо-восток. По сторонам время от времени к дороге вплотную подступают сухие джунгли, идет их расчистка под плантации чая или ананасов. Странное, однако, дело: деревья даже наиболее ценных пород здесь не вывозятся, но сжигаются на месте. То тут, то там полыхают гигантские костры. Смотреть, как они полыхают, конечно же, интересно, но думать, какие ценности погибают при этом, как-то очень обидно.

Подъезжаем к Полоннаруве, городу удивительных, почти не исследованных развалин, бывшему в средние века резиденции сингальских царей. Справа от современной бетонной дороги, по которой мы едем, открывается бескрайнее искусственное «море Паракрамы», созданное еще в XII веке, слева, в густой зелени развалины крепостной стены — руины дворцов и древних храмов.

Отель, в котором мы останавливаемся, расположен над голубыми водами этого древнейшего моря, созданного руками человека. Из окна веранды мы кормим хлебом рыб и наблюдаем, как в их стае копошится гигантская черепаха, как проплывает, извиваясь, мимо рыбьей стаи светло-коричневая двухметровая змея.

Затем следует многочасовой, утомительный бег по историческим памятникам и развалинам Полоннарувы.

Осматриваем высеченную в скале и хорошо сохранившуюся статую Паракрамы Баху I (вторая треть XII века), поражаемся искусству древних ваевателей. В руках у Паракрамы манускрипт — символ власти, могучей и неделимой... Ах, времена, что оно делает с историческими реликвиями! Неподалеку от памятника Паракраме, в местах, несомненно, священных, под пережившими века деревьями пасутся козы, крестьянин в проточной воде канала купает буйвола, а дальше, в том же канале, моются женщины, закрепив узлом над грудью мокрые сари.

Потом мы обходим крепость Полоннарувы. Развалины цар-

ского дворца удивляют множеством разных по высоте этажей и маленьких темных комнат. «Их было до тысячи», — говорит сопровождающий нас сотрудник департамента археологии. Сколько же ценностей покоится здесь, под землей, какие чудесные открытия можно предвидеть в скрытых от людского взгляда неисследованных развалинах! Но, как нам объясняют, у департамента археологии нет денег и никто никогда не занимался в этих местах какими-либо раскопками.

Идем дальше. Осматриваем руины дворца, украшенного гранитной колоннадой, бассейн, высеченный из камня в форме расцветающего лотоса, головы джинов, фигуры стражей у входа в храмы, игривых гномов, охраняющих каменные покои царей, остатки древней канализации и водопровода.

Долго стоим у гигантского камня, во всю длину которого высечены нестираемые строки вдохновенных повестей, восхваляющих подвиги давно истлевших монархов. А у железной ограды у входа в храм, на голой земле, накрив голову грязным сари, сидит и певучим голосом просит подаяния слепая старуха, просит от имени Будды и всех его учеников.

Вытянутый ввысь полусферический массив дагобы Кири-Вихара, высотой 160 футов, зарос лесом. Возле нее когда-то был монастырь, и на трех его террасах жило до тысячи священнослужителей. Монахи поднимались с террасы на террасу, только получив новую степень в своем самоочищении. Ныне на третьей террасе мы застаем стадо коров, и густая зеленая трава вокруг не в состоянии скрыть непочтительные следы их пребывания в столь святом месте.

Поражают воображение и руины древнего храма Ланкатилака — главного храма буддийского культового комплекса Джетована. Высота полуразрушенной статуи Будды — что-то около 13 метров. Время не сохранило голову статуи и жестоко отразилось на фресках стен. Но всюду у лестниц — изящные полукружия «лунного камня» с нанесенными на них концентрическими изображениями слонов, львов, буйволов и уток. На декоративных рисунках стен — множество фигур, увы, жестоко пострадавших от тропических ливней, ветра и солнца.

Пещерный храм Гал-Вихара производит впечатление скорее музеиного, чем религиозного памятника. Пятнадцатиметровая статуя Будды с ее искусно переданными в камне складками одежды, кажется, совсем недавно была очищена от вековых наслонений и потому резко контрастирует со стоящей у ее изголовья семиметровой статуей Ананды, любимого ученика Будды, оплакивающего своего учителя и охраняющего его непостижимую для простых смертных отрешенность от всего человеческого.

— Обращаю ваше внимание, господа, на то,— говорит сопровождающий нас сотрудник департамента археологии,— что нигде и никогда до этого не было отражено в камне такое глубокое горе и такая непостижимая верность высокой идеи.

Мы переглянулись: этот человек говорил с нами убежденно и искренне. И хотя многое из того, что он сообщал, мы знали со школьных или студенческих лет, из учебников или прочитанных в разное время книг, в его речи словно оживали давно известные факты; легко приподнятой, тонкой рукой он превращал в большие или маленькие археологические открытия то, что выглядело как очень знакомая иллюстрация и, казалось, уже не несло в себе элемента новизны.

— Знаете ли вы,— спрашивал он,— что еще за два с половиной столетия до нашей эры — для нас в древние, очень древние времена — сингальское народное искусство стало служанкой буддизма, разумеется, под определяющим воздействием монархов, правивших страной? Буддийские воззрения проникали во все виды искусства, и прежде всего в живопись и скульптуру. Будда, несравненный и совершенный, становится главной фигурой произведений живописи и скульптуры. Кажется, что художники того времени буквально соревновались между собой, чтобы сделать изображение Будды как можно выразительнее — будь то в дереве, камне или храмовых фресках.

Он, однако, явно остерегался высказать до конца мысль, к которой так близко подходил наш добрый гид. Между тем мы уже не раз говорили друг другу о той двойственности, которая так легко просматривалась в оригинальных творениях резца и кисти, насчитывающих многие столетия. Действительно, борьба народной и религиозной основ в древнем искусстве Цейлона выступает столь выпукло и ощутимо, что ее не может не заметить объективный наблюдатель. Традиционные символические обозначения переходят вдруг в естественный жест, открытый или омраченный взгляд, добрую улыбку, свидетельствующие о полноте и многообразии жизни, о яркой и самобытной художественной фантазии народа.

В тесном магазинчике с низким потолком, где чай только не торговали — кокосовыми орехами и плодами манго, прохладительными напитками и сигаретами, узорчатыми тканями, цветными открытками и всяческими сувенирами,— мы обратили внимание на изданную департаментом культуры на английском языке серию незамысловатых брошюр «для путешествующих по стране». Вероятно, перелистав, мы отложили бы их в сторону как обычное туристическое чтиво, если бы в брошюре «Древняя живопись и скульптура Цейлона» нам не бросились

в глаза авторские заключения, в чем-то совпадавшие с нашими мыслями.

Нандадева Виджесекера, человек неповерхностный и, несомненно, хорошо знающий то, о чем пишет, в конце своей брошюры приходил к выводу, что захват острова колонизаторами в XVI веке породил здесь такие условия жизни, при которых для развития искусства уже не существовало ни вдохновляющего стимула, «ни покровителей, ни мира». Буддизм, как государственная идеология, в это время также находился в упадке и уже не мог рассматриваться как фактор, определяющий художественное развитие нации. Шли годы, проходили десятилетия, и со сменой поколений древнее сингальское искусство с его мощной религиозной основой явно уходило в прошлое.

«Источник, дававший свет и ускорявший развитие, угас. Юная энергия оказалась растряченной... Терялась независимость, и желания жизни просто не существовало... Британское владычество в начале XVIII века наглухо закрыло вход прогрессивному новому миру, и древнее сингальское искусство пришло в конец»¹.

Так бы оно, вероятно, и случилось, если бы в древнем сингальском искусстве не существовала еще и народная основа — подлинная живая вода всякого творчества. С завоеванием политической и экономической независимости, с возрождением национального государства и утверждением в нем прогрессивных начал возникают новые условия для художественного развития народа. Они настойчиво пробивают себе дорогу и, как сильные молодые побеги, тянутся к солнцу. Иной становится жизнь. Иным станет и искусство Цейлона.

...Мы возвращались в Коломбо ночью. По улицам городков, которые мы проезжали, навстречу нам шли религиозные процесии, посвященные празднику полнолуния. Не знаю почему, но наблюдать их было не так-то весело.

Сколько еще бед и страданий на земле, сколько заблуждений и мрака! И какие только праздники не изобретают люди, чтобы хоть как-то скрасить эти беды и развеять мрак!..

КОМАНДИР КОРАБЛЯ НАС ПРИВЕТСТВУЕТ...

Наш самолет покидает Коломбо в полночь. В пути на аэродром на нас обрушивается тропический ливень. Спустя считан-

¹ Nandadeva Wijesekera. Ancient paintings and sculpture of Ceylon. Colombo. 1964, p. 39.

ные минуты все улицы и площади, по которым мы проезжаем, уже залиты водой. Слепящие вспышки молний рассекают на мгновение мутную дождевую завесу, и мы наблюдаем, как несется вдоль линии асфальта, обгоняя машину, тяжелый, покрытый пеной полуметровый поток. Непрерывно раздаются раскаты грома, словно где-то совсем рядом идет артиллерийская дузель.

К счастью, гроза и ливень прекращаются так же быстро, как и начались.

В аэропорту, в открытом помещении для пассажиров, продают всяческие сувениры — на память о «жемчужине экватора», «райском острове», «стране легенд». Непередаваемо хорошо изготовлены способом ручной чеканки канкийские серебряные и латунные изделия, миниатюрные фигурки зверей и птиц из красной смолы, пальмового дерева и слоновой кости, веера и циновки, сумочки и корзинки из листьев пальмы, высушанных и обработанных артистическими пальцами народных умельцев.

В сопровождении друзей, нагруженные цветами, фруктами и подарками, по бетонным плитам аэродрома идем к самолету. Это наш, советский самолет «ИЛ-18», совершающий обычный рейс по маршруту Джакарта — Коломбо — Караби — Ташкент — Москва.

Теплые слова последних приветствий.

И уже убран трап, закрыты двери, в иллюминаторах — кромешная тьма, и мы слышим знакомые слова, одинаково понятные и по-русски, и по-английски, и по-французски:

— Командир корабля товарищ Жарков и весь экипаж вас приветствуют...

Стюардесса просит застегнуть ремни, предлагает боржоми и летные конфетки. А самолет между тем затихает, оторвавшись от взлетной дорожки, и трехлетняя девочка, возвращающаяся с мамой в Москву из Коломбо, задает совершенно серьезный и отнюдь не иронический вопрос:

— Мамочка, мы уже на небе?..

О ГЛАВЛЕНИЕ

Что мы видели на Цейлоне?	3
От Москвы — 5 071 миля	5
Митинг в Нью-Таун-холле	8
Дороги	11
Грош, отнятый у бедняков	14
Еще дороги	19
На гребне плотины Уда-валаве	23
В джунглях	26
Как вы живете, русские?	29
«Добрый и искренний друг»	33
И опять дороги	36
Поэма из камня	41
Командир корабля нас приветствует...	46

Алексей Владимирович Романов
ЦЕЙЛОНСКАЯ ТЕТРАДЬ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

Технический редактор Я. Борисов.

А 00441. Подписано к печати 5/VII 1968 г. Формат бум. 70×108^{1/32}.
Объем 2,10 условн. печ. л. 2,84 учетно-изд. л. Тираж 86 750.
Изд. № 1396. Заказ № 1462. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сберегательные кассы предоставляют возможность каждому гражданину, независимо от того, является он вкладчиком сберегательной кассы или нет, внести свои деньги и получить именной документ — аккредитив.

● АККРЕДИТИВОМ можно воспользоваться при переезде из одной местности в другую, при поездке в отпуск, путешествии, командировке.

● ДЕНЬГИ, внесенные на аккредитив в сберегательной кассе одного города или района, могут быть получены их владельцем в сберегательной кассе любого другого города и района.

● СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ ВЫДАЮТ АККРЕДИТИВЫ ТРЕХ ВИДОВ: НА ЛЮБУЮ СУММУ ДО 500 РУБЛЕЙ, В 300 РУБЛЕЙ И В 500 РУБЛЕЙ.

● АККРЕДИТИВЫ на сумму до 500 рублей оплачиваются сразу полностью.

● ПО АККРЕДИТИВАМ в 500 и 300 рублей деньги выплачиваются в зависимости от желания их владельцев — сразу в полной сумме или по частям, в суммах, указанных на каждом из пяти ордеров, имеющихся в аккредитивах этого вида. Например, по аккредитивам в 500 рублей можно получить сумму в 100, 200, 300 рублей и т. д., по аккредитивам в 300 рублей — 60, 120, 180 рублей и т. д.

● ВЛАДЕЛЬЦУ аккредитива выдается два документа — аккредитив и контрольный лист к нему, которые следует хранить раздельно, чтобы при утрате одного из них было ускорено решение вопроса о выплате денег.

● Оплата аккредитивов производится сберегательной кассой по представлении его владельцем паспорта или заменяющего его документа.

Пользуйтесь услугами сберегательных касс!

Управление гострудсберкасс и
госкредита РСФСР